

Испанская поэзія въ XVI столѣтіи.

Эго стихотворенія, какъ и Боскановы, въ которыхъ они вполне могутъ сроднѣ на ряду, были издамы Готто, ко въ 15912. сгарамидми его вдовы.

Шоперъ слѣдующъ Тузсерре де Сегуна, писатель Готто же школы. Подобно многимъ своимъ соотечественникамъ Сетина былъ воинъ, храбро сражался въ Италіи, Фландріи и Тунисѣ. Въ послѣдствіи онъ побывалъ въ Лексинѣ, гдѣ у него жилъ братъ, занимавшій важную административную должность; умеръ онъ, вѣроятно молодымъ, въ своемъ родномъ городѣ Севильѣ около 1560 года.

— 1560.

Немногія дошедшія до насъ надгробныя, сонеты и другія мелкія стихотворенія де Сегуна имѣютъ несомнѣнную цѣну. Иногда въ нихъ замѣтенъ анакреонтичскій духъ, но лучшій изъ нихъ дышетъ неумной невинностью, какъ напр. слѣдующій надгробный:

Ojos claros, serenos, Оги чистыя, (оги) прозрачныя,
Si de dulce mirar sois alabados, Восхваляемая за свой крошкій взглядъ,
Porqué, si me mirais, mirais ayudados? Зачемъ, глядя на меня, въ шоперѣ заимъ
вразумедно?

Si quanto mas riados Если вы камересъ какими
Mas, bellos pareceis á quien os mira, Соображенности всякому,
Porqué á mi solo me mirais con ira? Зачемъ вы глядите гнѣвно на
одного меня?

Ojos claros, serenos, Ocu ясный, очи прозрачный,
 Na que así me mirais miradme al menos.¹⁾ Если вы не можете
 сморгнуть иначе, то по крайней мере не
 переставайте глядеть на меня.²⁾

Сезина подражалъ Таремьяссо болѣе, чѣмъ ицавъ,
 итицавъ, которые слухили послѣднему образцамъ.
 Однако срихотворенія Сезины никакъ не вырала съ
 зыкъ-портъ содранъ. Немногя изъ нихъ помѣстивъ
 Эррера (Хеттега) въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію
 сочиненій Таремьяссо (1580 г.), нѣскольکو другихъ по,
 мѣщенъ въ „Palmaso Esrañol“ (Седано (Т. VII, VIII и IX).
 Неполное собраніе, куда вошли и нѣкоторые круч,
 нѣ срихотворенія, особенно одно прекрасное посланіе,
 нѣ къ Діего де Мендозъ, можно найди у Ривадѣ,
 неуга, Т. XXXII, 1854 г. Но полного собранія его со-
 чиненій нѣтъ до сихъ-поръ.³⁾

Другой писатель зого же періода, также сфорон,
 нѣ ицавъднскаго лифразурнаго направленія, и нѣтъ,
 нѣ однако менѣе чѣстна, чѣмъ Акунья, Сезина
 и др., былъ Діего Бамиресъ Паранъ, родомъ изъ Мур-
 сии, издавшій въ 1562 году въ Валенсїи книгу подъ
 заглавіемъ „Floresta de varia poesia“. Какъ ислѣсто,
 о которомъ рѣчь будеть впоследствїи, нападалъ на
 ицавъднскую школу, упоминаеть въ одномъ изъ сво-
 ихъ сонетовъ о Луисъ де Аро, какъ одъ одномъ изъ

1) См. Седано, Palmaso Esrañol, Tom VII, p. 75.

2) По немногое, что мы о немъ знаемъ см. у Sismondi, Lit.
 Eur., Sevilla, 1841. T. I, p. 381.

гезарель поэзовь, наиболые содъисхвовавшихъ ценъ,
ху эгой школы въ Испани. Ныкофорый ерхотво,
ремъ эгого поэза сохранилсь въ единственномъ
экземпларъ „Сансионего“ 1559-го года. Во всякомъ
случае они дають ему право сходить на ряду съ Гое,
каномъ, Гарсиласо и другими.

Прозивники италъянской школы.

Италъянская школа была введена въ Испанию
не безъ борбъ. Выступилъ прозивъ нех цылой реди
писателей-поэзовъ, закъ это не врьдъ-ли сложенъ уха,
закъ, кто первый выступилъ прозивъ нех, какъ пововве,
денид безполезного и никакъ не оправдываемого, но
во всякомъ случае Каспиласо, дворянинъ изъ Севодадъ
Годриго, былъ однимъ изъ раннихъ ед прозивниковъ.

Крисовалс де Каспиласо (Cristoval de Castillejo) *Antonio de Villa
gas, Gregori Silvestre
и др.*
родилсь въ 1492 г. Съ пяднацатилътняго возраста
онъ находился при младшемъ братъ Карла V, ерерди,
кандъ, впоследствии императоръ германскомъ. Послед,
не годы своей жизни онъ провелъ въ Австрии въ ка.
песрвъ императорскаго секретаря. Притхавъ въ Вьну,
онъ уже болые никогда не возвращался въ Испанию;
онъ умеръ въ Вьнъ, какъ предполагать, въ 1556-мъ
году въ лтъ оу роду.¹⁾ Могила де Каспиласо находится
въ Нейкloster-Kirche въ Wiener Neustadt, на козорой
сохранилае слъдующая надпись: „Obiit 12. Junii,

¹⁾ Антонио говоритъ, что Каспиласо умеръ около 1596 года,
въ какомъ случае онъ достигъ до глубокой старости.

anno 1550, Viennae, clarissimus a Conciliis et Secretis in-
 timis Serenissimi Ferdinandi Romanorum et Germaniae
 Regis, Christophorus Castillejus, natione Hispanus, vir
 sane sua aetate numeris omnibus solutus. — Таким какъ
 достоверно известно, что 22 октября 1553 года Касульс,
 ехо бѣлъ еще живъ, то относительно этого опредѣ-
 ления года его смерти представляется нѣкоторое за-
 труднение. Но и это затруднение устраняется, если
 принять въ соображеніе нѣкоторую небрежность
 въ самой надгробной надписи, на которую указыва-
 етъ Волбергъ; такъ какъ образомъ можно считать почти
 достовернымъ, что Касульсехо умеръ въ Вѣнѣ 12-го
 июня 1556 года; ибо въ надписи это не нуль, но число
 6.¹⁾ Интересно замечать стихотвореніе Касульсехо, гдѣ
 онъ восхваляетъ Вѣну,²⁾ оно обращено къ другу, сира,
 шиватоцелю: „Поглянь ему правдею здохъ городъ.“

Но гдѣ бы Касульсехо ни жилъ, онъ писалъ стихи,
 откуда не обнаруживая расположенія къ италіян-
 ской школѣ: онъ нападалъ на нее, сколько могъ, а
 главнѣйшій образомъ подразналъ древнимъ испан-
 скимъ поэтамъ въ ихъ „villancicos“, „canciones“, „dros-
 sas“ и другихъ усвоенныхъ или формахъ и раз-
 мѣрлахъ. Тутъ только могъ, Касульсехо всегда и всюду
 нападалъ на подразнаелей италіянцевъ, называя
 ихъ презрительно „незрарисцали“. Онъ даже написалъ

1) Сл.: Sitzungs Berichte der kaiserlichen Wiener Academie 1849.
 März-Heft.

2) въ Obras de Castillejo, 1598 2. f. 159.

на нихъ цѣлую сафору, посвятивъ ее „вѣсть озверга, пощиль касильскую стихотворную форму и подражательную ифальднскую, назвавъ при этомъ по имени Боскана и Тарсильясо. Онъ призываетъ Хуана де Мелу, Санчеса де Бохадоса, Нахарро и вѣсть древнихъ поэтовъ позабавился вѣсть съ нимъ надъ новагора, ли.

Нѣкозоря стихотворенія написаны или раньше 1540 и 1541 годовъ, вѣсть они дымавъ съотместю и мо, лодотрю, за исключеніемъ стихотвореній религіознаго содержанія, составляющихъ конецъ послѣдней изъ трехъ книгъ его сочиненій. Легко въ и вѣстелю — самая выдающаяся, хотя и не единственная и въ характеру, стическія герды. Эротическія стихотворенія Касильясо отличаются и въ стическо и граціей, особенно въ, козо. рядъ обращенія къ нѣкоей Аннѣ изъ семьи Шауль буръ; но лучше всего его талантъ въсказывается тогда, когда онъ беретъ свои земли изъ современной дѣйствительности и рисуетъ ее какъ она есть, маур, въ извѣстномъ стихотвореніи на придворную тему (La Vida de Corte), заговѣ въ разговорѣ между его тероломъ и и въ самимъ (Diálogo entre él y su pluma), въ поэмѣ о менциматахъ и, наконецъ, въ письмѣ къ другу, про, сившему у него собора въ одномъ любовномъ дѣлѣ, — вѣсть эти стихотворенія правдивыя каррикатуры на народ.

ныхъ нравовъ и вкусовъ. Въ нихъ близко подходятъ
также къ некоторымъ французскимъ стихотвореніямъ, напр.
„Преображеніе мянницы въ комара“; въ нихъ-то осо-
бенно сказывается его природная веселость.

Всѣ стихотворенія Касаласа написаны бойко
и весело; онъ писалъ иногда даже свободнѣе, тѣмъ
это было позволено въ его время, и его стихотво-
ренія, очень распроданные въ рукописяхъ, были
запрещены инквизиціей; поэтому все сохранившее-
ся изъ нихъ до нашего времени, представляетъ лишь
небольшое собраніе „исправленныхъ“ стихотвореній,
которыя благодаря особой милости, были пощажены
цензурой и допущены къ печати въ 1573г. — Эгодра,
мы похвально совѣтлы; даже драма „Constanza“, ко-
торую Моразинъ видѣлъ въ Эскуриалѣ, не найдена.
Многія изъ его сочиненій похвально навсегда.

Другой поэтъ, прозвѣнный подражателемъ на-
правленія, сторонникъ Сезимы, придерживавшійся
также старинной національной школы, былъ Ан-
тонио де Виллегасъ (Antonio de Villegas), стихотво-
ренія котораго легки и веселы, ошлтанувшись мри-
воуство. Больше крупныя его произведенія, напр.: Пл-
рама и Писде или Борба Аюкса съ Уилесома, не такъ
интересны, но за то мелкія стихотворенія очень ми-
лы. Одно изъ нихъ обращено къ герцогу Сеса, по.

домку Гонсалеса Кордуганского, управлявшемуся
 въ то время въ Угалию, идетъ подъ его начальствомъ слу-
 жить Сервантесъ; оно имело большой успехъ, бла-
 годаря намекамъ на его великаго предка. Какимъ
 естъ оно: .. Мудре въ Угалию, великій синсоръ, это
 вата обѣзванная земля. Знаменитый свѣдѣлъ всю
 ее успѣшно подвигами и усилева. Вели въ направи.
 гестъ въ Угалию, въ зримъ самимъ возвышене значе-
 ние этой страны. Въ засиде въ зримъ солнца
 въ лучахъ славы, унаследованной отъ вашего пред-
 ка".

Но своеобразные и имперские этого воинствен-
 ного и горноцветного стихотворенія его десимасми
 десятистишии, десятистишная пѣснь, называемая
 ими „сопратасiones“, какъ какъ каждое изъ нихъ ока-
 зывается сравнительно; весьма ими предпослато болѣе
 длинное стихотвореніе въ золь-ше зримъ; въ нихъ
 они обращаетъ къ дамы своего сердца. Какъ обра-
 зецъ содержанія и формы зримъ десятистишии
 (десимас) можемъ послужить слѣдующее стихотво-
 реніе: „Сингора, я какъ привикъ слушать вамъ,
 что въ вамъ одной зримъ въ мой радости
 и что меня убиваетъ зольско вамъ гнѣвъ.
 Такимъ образомъ служное состояніе моего дѣла
 зависитъ отъ расположенія вашего,

И наши сердца звучать согласно,
 Какъ два одинаково-надросшие инсфру.мена.¹⁾

Подобно многимъ поэтамъ, писавшимъ въ изыскан-
 номъ, манерномъ стилѣ, Виллегасъ любилъ иногда по-
 взрывать, словно модулетъ содербеннымъ озроумиельмъ
 и замесловазоезго. Такъ мысль, высказанная ^{зольско то} въ ^{три}
 беденномъ десятистишии (decimas), повзороена въ одной
 пазгорали, написанной гасуго прозой, гасуго сзихали
 и польценной въ зой же книгѣ. Разрвышеніе неча,
 гасу Inventario, послѣдовавшее въ 1551 г., доказыва-
 еръ, что сборникъ уже раньше зого ссзавленъ. Деци-
 мас (десятистишия), козорья гасу любилъ де Вилл-
 егасъ, были вообще любимой формой въ лучшій пери-
 одъ негории испанской лиэрачурры. Сзихозвореній
 Виллегаса, написанныхъ раньше 1551 года, поввилметъ
 въ негари зольско въ 1565 г. Предисловіе, обращен-
 ное къ самой книгѣ и содержащее паззавленіе,
 какъ она должна держатъ себя въ звоуѣ, напоми-
 наетъ подчасъ „The Saul's Grand“,²⁾ но менѣе серьезно
 и не гасу поэтично. Лучшія сзихозворенія въ этой
 книгѣ все въ золь же родѣ легкія и веселыя, оз-
 лигачоуиеня болѣе иривоезго, гильмъ глубоко про-
 чувезованнмъ содержаниельмъ.

+1570.

Григорій Силвестре (Silvestre), португалець,
 въ дъззубѣ переселившийся въ Менакисо, повидимому,

1) См. „Inventario de Obras, por Antonio de Villegas, Vecino de la Villa de Medina del Campo“, 1565 г.

2) поэму, приписываемую Валсеру Палесо.

проживалъ спокойно въ Трапанде, состоя главнѣйшѣ
организаторъ мѣсячнаго собора и пользуется, благодаря
своему остроумію и любезности, извѣстнѣйшѣмъ знаме-
нѣемъ въ обществѣ. Онъ умеръ въ 1570 году, мѣсяцѣ
50-ти оубъ роду.

Хотя Силвеседре и родился въ гусманѣ краю, од-
нако все его стихотворенія написаны гиспанскими
языкомъ и лучшія изъ нихъ — въ старинномъ
вкусѣ, „старинскій складомъ“, какъ они сами выражались;
этого „старый складъ“, повидимому, представлялъ ему
болѣе свободы, чѣмъ стихотворная форма, усвоенная
имъ впоследствии. Это стихотворная „исполкованій“
(glosses) имѣли цѣну, кажехся, въ глазахъ тогдашнихъ
его самого и его друзей и если-бы самое содержаніе
стихотвореній было серьезное, они до сихъ поръ за-
служивали бы похвалы, какими ихъ осмали на
первыхъ порахъ, потому что ихъ построение оубла,
есть легкое и остроумное. Лучшими изъ нихъ
считаются глоссы на Pater noster и на Ave Maria.

Сзало-бытъ, Силвеседре придерживался также ста-
ринной стихотворной формы. Онъ былъ другомъ Пед-
реса де Нахарро, Гарси Санчеса де Бадохоса и Фредин.
Нѣкоторое время онъ подражалъ Касрильехо и пре-
зрительно отзывался о Босканѣ и Гарсилъяссо. Но
по мѣрѣ того, какъ изалъянская стихотворная форма

распространяется все больше и больше, отъ сдаль поже, многу худунаре господствующему направленно и поже, нже савъ писалъ сонеты, октавы и терцины, оды, балъ иль изысканно и изящно, что впрочемъ въ то время мало цѣнилось въ Испаніи.

Больше значительная по объему его повѣствовательная эпихоэворенія, напр., «Аполлонъ и Дафна», «Пирамы и Тисбея», «Родина Любви», — не принадлежать къ его лучшимъ произведеніямъ, хотя вообщемъ не лишены достоинствъ. Зато его канцоны могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими въ италійской лирике. Зуръ: онъ отличался сдариными задумчивыми просодическими и искренностью, но близкъ съ зелью и пькозорого искусственности въ выраженіяхъ, которая впрочемъ нисколько не вредитъ общему впечатлѣнію. Одна изъ нихъ начинается:

Señora, vuestros cabellos, Синьора, ваши волосы
De oro son, Изъ чистаго золота,
Y de azero il corazón, Но ваше сердце сдальное,
Que pose tiene por ellos. Кто не заложитъ умереть за нихъ?

Не много дальше онъ даетъ зой-ше мысли очень искусный оборотъ въ видѣ оговора:

No quiere ser de oro, но, Не изъ золота,
Señora, vuestros cabellos, Синьора, ваши волосы,
Que el oro quiere ser dellos. Скорѣе саво золото произошло изъ нихъ.

1) См. Obras, Granada, 15992., f. 69 и 71.

После каждой канцонсы слѣдуетъ нѣчто въ родѣ
золкованій на нее или вариаций ея основного мо-
тива, подчасъ также не лишенихъ досюишества.

Тригорій Силвеседре былъ близко связанъ съ совре-
менными ему поэтами и призоветъ не только старой
школы, но и съ подражателями португальской поэзии
или новой школы, каковы, напр., Диего де Мендоса,
Армандо де Акунья, Георгій Монтемайоръ и Луисъ Ба-
рахола де Созо. Ихъ стихотворенія безспорно не-
редко среди его содѣланныхъ, и ихъ направленіе ока-
зало на него рѣшающее вліяніе. Но вліяли ли въ
своемъ очередь они и сами на него или на свое время,
— это подлещишь сомнительно. Когда онъ умеръ, его стихо-
творенія были извѣсны только въ рукописяхъ, по-
скольку двенадцать стиховъ, его другъ Педро де Касересъ
собралъ ихъ и напечаталъ! Изданіе прошло почти
незамѣтно: принадлежала въ сущности къ двумъ
школамъ одновременного, Тригорій Силвеседре ни разу
ни разу не пользовался авторитетомъ и уваженіемъ.
Однако его другъ Луисъ Барахола де Созо, въ своихъ
поэтическихъ посланіяхъ отзываясь о немъ съ похва-
лой, а Лопе де Вега восхвалялъ его во вступител. посл.
своей „Лавровой Гиръ Аполлона“ (Lancel de Apollo).
Стихотворенія Тригорія Силвеседре раздѣлены на ге-
ндре книги въ изданіи 1599 г. и наполняютъ собою

387 стр. Онъ писалъ законе и религиозныя драмы для своего собора; но все онъ утрачено.

Разусудажь Борьбы двухъ литературныхъ направлений.

Борьба эдикъ двухъ литературныхъ направлений, новой — италъанской — и старой — испанской — школы, принимается съ зѣлениемъ времени чиезо формалистскій характеръ. Арготе де Молина переноситъ ее, з.е. Борьбу эдикъ литературныхъ направлений, на сраницы своего „Разусуденія объ Испанской поэзи“ (Discurso sobre la Poesia Castellana, 1575 2.) и рѣшительно высказываетъ себя въ пользу древнеиспанскихъ стихотворныхъ формъ. Онъ бьетъ и самъ поэту; ^{но} стихотворенія, помысленныя въ „Novelas de Andalucia“, не высококачественныя. Это разусуденіе помыслено въ концѣ перваго изданія „Conde Lucanor“ 1575 2. У Монраля въ эта борьба двухъ литературныхъ направлений проникается даже въ его пасорали, гдѣ ей собственно не мѣсто и гдѣ Сервантесъ, Эррера, Касильево, Сильвеседре и самъ Монраля — подѣ вышвыльеными и метаны, конечно — рѣшающъ споръ въ пользу старой школы.

Это было въ 1582 году; а въ 1599 году Лопе де Вега оцѣдываетъ поэту же взглядъ въ предисловіи къ своему „San ^{Labrador} Isidro“ 2) Но тогда вопросъ этотъ

1) Pastor de Filida, Чаге IV и VI.

2) Obras Sueltas, Madrid, 1777. Tom XI, pp. XXVIII — XXX.

быть, по существу, уже решено: язык или языкъ болъ-
 шихъ эпическихъ поэмъ, не исключая и „Агаса,
 ма“ Алонсо-де-Землы, были уже написаны фран-
 цузскими окзавами; множество Буколикъ, пасто-
 ралей, пастушескихъ романовъ, написанныхъ въ
 подражаніе италіянцу Саммацару, — указавъ здѣсь
 голско на „Диану“ Монгузмайора, — указавъ соизво-
 вѣ, окзавъ, геризинъ,
 канцонъ и другихъ формъ италіянскаго поэзіи при-
 обрѣли уже симпатіи испанскаго публики. Далеко
 Лопе де Вега, где направление тогда уже резко опре-
 дѣлилось, началъ писать своего прославленнаго свд.
 Лопе де Вега (San Feidro Labrador) древними
 народными *redondillas*, подъ конецъ перешелъ на
 сторону новой формы, т. е. италіянскаго школы, за-
 что въ концѣ концовъ никакъ, можетъ быть, болъе
 его не содѣйствовало укорененію въ Испаніи по-
 дражательнаго направленія, италіянскихъ стихо-
 творныхъ формъ и размеровъ. Съ этихъ поръ италі-
 янскія школа обезпечила за собой подѣду и ни,
 когда не переставала занимать видное мѣсто въ
 испанскаго литературы. Возъ какой болъе результатъ
 борьбы двухъ литературныхъ направленій? Можетъ
 перейти къ геловѣкъ, который въ числѣ писате-
 лей наиболъе способствовавшихъ исходу литерату-
 рной борьбы въ пользу италіянскаго стихотворной

школы, благодаря своему общесреднему положению, приобрели особенно большое влияние.

Урзадо де Мендоса (1503—1575 г.).

Мендоса звался какъ извѣстное число поэтовъ въ области всего жанра испанской литературы въ подражании итальянскимъ формамъ и, самое большое, въ усвоеніи до извѣстной степени итальянской образности, одитъ изъ испанскихъ писателей, мнѣ, поэтъ въ болѣеющей мѣрѣ одаренная талантомъ и характеромъ, занялъ въ родной литературѣ болѣе самостоятельное положеніе, Это былъ донъ Діего Урзадо де Мендоса, ученый и воинъ, государственный деятель и историкъ, поэтъ и дипломатъ — деятель, который во всемъ, за что бы онъ ни брался, смиски, былъ себѣ высокое уваженіе и который ни въ чемъ не довольствовался только посредственнымъ успѣхомъ.

Донъ Діего Урзадо де Мендоса (Don Diego Hurtado de Mendoza) родился въ 1503 г. въ Гранаду. Это предки были знаменитѣйшими людьми Испаніи, если не считать королевскихъ особъ въ многовековыхъ королевствѣ. Лопе де Вега въ одномъ изъ своихъ драматическихъ произведеній сообщаетъ, что уже въ его время фамилія Мендоса насчитывала 23 поколѣнія людей, занимавшихъ высшій государственный дѣлъ.

мозги. „Фамилия Мендозы“, говорюхъ отъ, „нашихъ,
 ваяхъ въ себѣ двадцать три поколѣнiя. Во всей Испа-
 нiи — сколько мнѣ извѣстно — нѣтъ рода болѣе древня,
 го. Члены этой фамилии непрерывно отъ отца къ сыну
 представляють собой рядъ знаменитыхъ и высокоодарен-
 ныхъ личностей; наименованъ ихъ всѣхъ это то же
 что переписывае звезды на небо, волны на морь или
 измѣряетъ морской песокъ. Родъ этотъ — земскъ чине до,
 знано — ведетъ свое происхожденiе отъ одного бискай-
 скаго синсора по имени Зуриса.“¹⁾ Басмартъ де Авилла
 сообщалъ еще болѣе полную генеалогiю фамилии
 Мендозы.²⁾ Очевидно, что она была столь же прослав-
 лена поэзiей какъ и исторiей. Чине три ближайше
 предка этого замѣчательнаго государственнаго чело-
 века могли служить примѣромъ для образованiя ка-
 рактера молодого чело-вѣка; отъ были правнукъ, по
 прямой линiи, маркиза Сан-Мигеля, поэта и при-
 сѣжнаго охотника при дворѣ Хуана II; его дѣдъ былъ
 искусный посланникъ Фердинанда и Изабеллы
 въ пору наиболѣе затруднительныхъ отношенiй къ
 папскому престолу; его отецъ съ гусью предводителемъ,
 сражалъ войсками во время послѣдняго ривинельскаго
 похода на мавровъ, и вѣдѣ за покоренiемъ Гранады,
 да былъ назначенъ канцлерникомъ этого безмятежнаго
 города.

1) С. М. Aranco Domado, Acto III, Comedias, T. XVII, 1629, p. 95.

2) С. М. Gobernador Prudente (Comedias Escogidas, Madrid, T. XXI, 1664).

У Диего было имя Браувер, имя старшее его; поэтому его готовили къ духовному званію, чтобы легче обезпечить ему положеніе и средства, необходимая для поддержанія досюшнства его громкаго имени. Но въ его характерѣ не было рѣшительнаго склонности къ духовному званію. Правда, онъ приобрѣлъ запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для церковной карьеры: дома онъ научился бѣгло говорить по арабски, въ Алкаль, Саламанкѣ успѣшно изучалъ латинскій и греческій языки, философію, церковное и гражданское право. Но онъ очевидно оказывалъ рѣшительное предпочтеніе заимѣ замѣдлѣнью, которое имѣлось открытіе къ поэзіи и издѣльной словесности. Яко уже онъ обнаружилъ склонность къ заимѣ рождать лиризацію, которая не имѣла ничего общаго ни съ богословіемъ, ни съ церковью. Это была геловѣкъ неспособный посвящать себя служенію церкви, и вотъ по окончаніи университетскихъ занятій въ Алкаль и Саламанкѣ мы вскоре встрѣчаемъ его въ рядахъ испанской арміи въ Мадридѣ, о гелѣ онъ подъ старость всегда вспоминаеть съ какими то горделивыми удовольствіемъ. Но всѣмъ разъ, какъ войска оказалась въ бездѣйствіи, онъ съ увлеченіемъ слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ въ Падую, въ Болонью и Римъ и все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своихъ

научныхъ свободный.

Векоръ оны находилъ на службу у императора Карла V, попеременно на военную и на дипломати, гдѣсколь поприцѣ. Такойъ замѣчательный человекъ, какъ Мендоса, долженъ былъ, конечно, обратить на себя вниманіе проницательнаго и дальновиднаго Карла V, и возъ въ 1538 г. Мендоса звалъся члене его посольствъ въ Венеція, въ то время одной изъ могущеесущественнѣйшихъ державъ Европы; но и здѣсь, какъ ни многослови, не были его замѣтилъ, онысь особенныя сгараніемъ заводилъ знакомство съ учеными и императорами. Фамилія Мендоса сфодла тогда на высоръ своей славы, и Мендоса покровительствовалъ и помогалъ ему. Папъ, Sixtus Quintus посвѣдилъ ему свое изданіе философскихъ сочиненій Цицерона и высоко цѣнилъ его кривуе, скій талантъ и знаніе латинскаго языка, хотя въ то же время признаеть, что Мендоса всегда цѣнилъ молодыхъ людей изучающихъ философію и науки на родномъ языкѣ — родкій примѣръ человека свободнаго отъ предразсудковъ въ такое время, когда благоговѣніе къ древнимъ заславляло ученыхъ презирающе все современное и національное. Одно время, впроче, оны оудалъ изученію англійской литературы съ закилъ энтузіазмомъ, какой выказывалъ развъ еще Пезаррака двудѣ сфолтъзіемъ раньше. Оны послантъ

въ Оссалито и въ Адонскіе монастыри за греческими рукописями. По рукописямъ его библиотеки впервые были издааны вполне сочиненія Фосифа Стравія, а также и многихъ озеровъ церкви. Когда онъ оказалъ однажды какую то важную услугу султану Солиману и тотъ позволилъ ему требовать доказательствъ своего монаршаго благоволенія, то Мендоса указавъ, какъ на единственную награду, какую онъ согласенъ бы приидти, на греческія рукописи, которыхъ, по его словамъ, вознаградилъ бы то за весь трудъ.

Но изъ этого круга задержій, какъ подходившаго къ его вкушанью и наклонностямъ, императоръ призывалъ его къ большому важному обязательству: онъ назначилъ его правителемъ Сиэна, где онъ одновременно долженъ былъ держаться въ страхъ и Римъ и Флоренцію; это порученіе онъ выполнилъ не безъ опасности для своей жизни. Немного спустя онъ охотился на интереса императора на Триденцкомъ соборѣ, где обесурядились сколько же дѣла политическія, сколько и церковныя. Онъ блестяще выполнилъ это порученіе, благодаря твердости, ловкости и красноречію — канцеля, которыми онъ обладалъ въ такой степени, что одни они могли прославить его, какъ выдающагося государственнаго человека Испаніи. Съ собора онъ по неуловимымъ дѣламъ ушелъ въ Римъ, чтобъ на.

благодаря за маной въ сагой его резиденцији. И это поруче,
 нис оны исполниль съ честию, стъло и оукрыто
 высунувъ прозубъ Юлид III, и своимъ победениемъ такъ
 возвысимъ достоинство и свое личное и своего оуслужва,
 что въ продолженіе шести лѣтъ на него смотрѣли
 какъ на главу императорской парzii въ Муалин, поз,
 ти какъ на вице-короля, звердо и искусно управляв,
 шого сурной. Но подъ конецъ непосильные труды
 сломили его, и закъ какъ императоръ перелѣтнимъ
 полизку и рѣшилъ водворитъ миръ въ Европѣ ранъ,
 те своего оуслуженія оу престола, го Мендоса въ 1542.
 возвратился въ Испанію.

Дипломатическіе чины Мендоса вошли въ по,
 словицу. Почти столѣтіе позднѣе, Салазь Барбадилсо
 разказываетъ объ одномъ искаженн. приключеніи: судя
 по его словамъ, можно было подуматъ, что оны были
 въ Римѣ закъ те искусивль посланникомъ, какъ
 и знаменитый, мудрый рыцарь Диего де Мендоса въ
 свое время.¹⁾

Въ 1555 г. вступилъ на престолъ Филиппъ II.
 Это политика мало походила на политику его отца,
 а Мендоса не принадлежалъ къ зѣлымъ модльмъ, козо,
 рые козуу примаровидся ко великимъ оуслуживань.
 Оны сзалъ рѣдко подвлярся при дворѣ и былъ даже
 въ немилости у своего суроваго государя. Принима

1) См. Cavallero Pintual, Madrid, 1619, f. 5.

милости Филиппа II ^{къ Мендосе} заключалась въ какъ-то денеж-
 ныхъ счетахъ, относившихся къ тому времени, когда Мендоса
 былъ губернаторомъ въ Сизенъ и задумалъ пересушить сизен-
 ский укрепленный замокъ.¹⁾ Но стодуцетий приматель
 лучше всего показываеъ отношение Филиппа къ Мен-
 досе: однажды 64-хъ лѣтній посланникъ, но съ годами
 не утратившій своего юношескаго тала, горько засно-
 рилъ какъ-то во дворцѣ съ однимъ придворнымъ;²⁾ въ
 жару спора зорь выхватилъ кинжалъ, которымъ Мендо-
 са вырвалъ у него изъ рукъ и выбросилъ черезъ перил-
 на балкона; говоря, будто отъ суда онъ отправилъ вѣдьмъ
 за кинжаломъ и самого придворнаго.³⁾ На это дѣло
 смотрѣли взгляду какъ на оскорбленіе королев-
 скаго дофина, а въ глазахъ преданнаго формализ-
 му и этикету Филиппа поспунокъ зорь представился
 прозо смертельной обидой: онъ объявилъ Мендосу суна-
 шедшимъ и прогналъ его изъ своего двора. Напрасно
 пресартовый Мендоса боролся некогорое время про-
 тивъ этой несправедливости, объявляя обезоудельно
 и убѣдительно, почему его нельзя судить строго: все
 его вина въ томъ, что онъ защищался изъ нападеній
 во дворцѣ. Съ него кастильскаго прямогого отъ гово-
 рить о себѣ: „Ми nombre de tan conocidos abuelos como
 yo y con nota de que se hable ya en las esquinas“
 (Головную въ закиши славыми предками какъ я и

1) Navarrette, Vida de Cervantes, Madrid, 1818, p. 441.

2) со своимъ соперникомъ въ любви.

3) или выбросилъ его въ окно.

обладающей такой изысканностью, что о немъ говорятъ во всякъ углахъ).¹⁾ Однако отъ кончили звать, что съ дозволеніемъ покорился необходимостямъ.

Въ изгнаніи Мендоса развлекался поэзіей и ти-самъ сзими. Конечно, какія замятия не собствль подло, дили къ его преклонному возрасту, — но вѣдь отъ къ нимъ привыкъ издавна. Но подъ старостю отъ склонял-ся все больше и больше къ серьезнымъ замятиямъ и, поже-рѣвъ всякую надежду на возвращеніе ко двору, посе-мля въ скромномъ уединеніи въ родномъ своемъ городѣ Тринадѣ. Исторія Возвращенія Маврова — лебеди-ная пѣсня Мендосы: ему было за семьдесятъ лѣтъ, ког-да отъ, доведя работу до конца, далъ понять, что съ зрѣлѣ-поръ его лифериатурная и научная дѣятельность кончена. Отъ собралъ все свои книги — классиковъ, рукописи кри-оброжденныя въ Мрали и Трехин, рѣдкія арабскія сочи-ненія, разскаанныя имъ въ Тринадѣ — и все это пере-далъ своему суровому государю, учравивавшему когда-то библіотеку въ Эскуриаль. И до сихъ поръ книж-ная вкладка Мендосы занимаетъ въ Эскуриальской биб-ліотекѣ самое почетное мѣсто. — Съ зрѣлѣ поръ мы ни, чего больше не слышимъ о пресаргальномъ государствѣ, комы челоуѣкъ, ^{полководцу} и писателю: мы знаемъ только, что Филиппъ II разрѣшилъ ему вѣрнѣ ко двору въ Мадридъ, гдѣ отъ черезъ нѣсколько дней опасно занемогъ и

1) Письмо самого Мендосы, отъ 20.20 сентября 1567г.

умеръ въ апрѣлѣ 1575 года, семидесяти двухъ лѣтъ отъ
роду.

Первое напечатанное произведение Мендосы — это
канцона, помѣщенная въ Санционето Генерал, 1535 года.
Въ первомъ изданіи стихотвореній Тоскана помѣщене,
но посланіе къ нему Мендоса, написанное, повидимо,
ему, еще въ молодости, сверхъ того еще итальянскаго мел,
къ его стихотвореніямъ, написаннымъ — судя по содержанию,
нѣко — въ Ураліи. Хотя Мендоса подолгу проживалъ въ
Венеціи и Римѣ, хотя отъ рано уже сблизился съ Тос-
каномъ, однако же отъ оныхъ не сдѣлалъ на сторону
итальянскаго языка и, отдавая справедливую долю,
использовалъ итальянскіе стихотворныя формы, про-
должалъ писать старинными „redondillas“ и „quintil-
las“, стараясь высказывать въ нихъ все національное
убежденіе и взгляды, свойственныя старо-кастильскаго по-
эзіи. Одно изъ его стихотвореній — „Тисно въ формѣ
Redondillas“ — было имъ написано, когда отъ него
шло въ изгнаніи.¹⁾

Мендоса, усердно изучая классиковъ, настолько
проникся античнымъ духомъ, настолько усвоилъ себѣ
античное міросозерцаніе, что всякій нововидія вѣ-
дѣнія проходили для него безслѣдно. Первая часть
названнаго раньше посланія къ Тоскану, напи-
санная, правда, главными герцинами, напоминая

¹⁾ Obras, 1610, f. 72.

послание Торациа къ Муммизио и представляеъ двѣ.
субъективно зогное подразманіе эволю произведенію;
напримѣвъ заключительная его часть написана въ гисро
испанскомъ вкусѣ и даеъ такую художественную кар.
тину домашняго быдѣ, какая никогда не рисовалась
воображенію древнихъ. Тимъ въ гисро кардинала Де,
никозы — одно изъ лучшихъ его стихотвореній — напи.
санъ послѣ изидневнаго упорнаго чтенія Пиндара
и зѣль не меньше строго выдержанъ въ старо-кастиль.
скомъ духѣ; зогно закше взорѣ его концона, несмотря
на итальянскую стихотворную форму, болѣе напоминаетъ,
зѣль Торациа, чѣмъ Петрарку. Несомненно однако, что
Мендоса содѣйствовалъ чирогенію новыхъ поэтическихъ
формъ, введенныхъ Босканомъ и Тарсимъессо; по край.
ней мѣрѣ на него ссылаются многіе поэты зого време.
ни, особенно Силъвесуре и Кристоваль де Меса.

У Силъвесуре сонетъ къ Мендосѣ начинаеъся:

De vuestro ingenio y invencion
Pienso hacer industria por do queda
Subir la tosca rima a perfeccion.¹⁾

(На вашъ генийъ будуъ съблаженъ въ доказательство зого,
что фосканская рима можеъ быть доведена до совер.
шенства). И въ посланіи Кристоваль де Меса къ графу
де Кастро говоритъ, что славный Мендоса шель по
словамъ Боскана и Тарсимъессо.²⁾

1) Poesias, 1599, f. 333.

2) Rimas, 1611, f. 158.

Вообще Мендоса съ равными успехами писала въ обоихъ направленияхъ: его црельянскія суживоверенія больше другихъ отличаются богачествомъ мысли; зато отъ вложилъ больше души, больше искренняго чувства въ суживоверенія, написанныя въ народномъ духѣ. Мнѣ, кѣ его суживоверенія, жанръ называемая *Letrillas*, а преемде извѣстныя подѣ различными именами — преемсеу, ны. Одно изъ нихъ, озаглавленное *Villancico*, можеть слушнгу лучшимъ образомъ веемнхъ *Letrillas*. Поне де Вега называетъ *redondillas* Мендоса гудееными.

Романъ Мендосы „Лазарильо“ (*Lazarillo*)¹⁾ преемсеу. ерѣ гениальное произведение, какого до зѣхъ поръ не бывало еще въ испанской литературе. Разказывающе, это абзоръ зтого романа, оуправляеде въ путешестве, брамъ съ собою „Амадиса“ и „Фелесунгу“ и перочнзы, вавъ ихъ на досугѣ. Именно Francisco de Portugal ууберсидаетъ²⁾ это Мендоса, уубезная посломъ въ Римъ, взялъ въ собою зомско двухъ зоварннцевъ: „Амадиса Тавскаго“ и „Фелесунгу“. Товоряръ и, это Мендоса напи, савъ своего Лазарильо де Тормеса еще въ университетѣ. Романъ зтотъ — автобиографія мальчика, маленькаго одор, баша Лазаря, родившагося на мелбннцѣ на берегу рѣки Торм, мееъ, близъ Саламанки; выгнанный пизкой и гуд. бой магерсю изъ дому, отъ сзавъ вознакомъ слѣпного ницаго, заняте, позорныѣ козорого врдѣ — и можно

1) или *Lazarillo de Tormes*, или *La Vida de Lazarillo de Tormes*.

2) въ своемъ „*Arte de Galanteria*“ (Lisboa, 1670, p. 49).

Испанская поэзия въ XVI столѣтїи.

было найди въ то время въ Мадридѣ. Какое ^{бы} оно ни было, Лазарильо воспользовался имъ, какъ неслы лу, ие. Одаренный неисчерпаемыми запасами веселости и необыкновенной похлдрливости, онъ поелитъ одио, временно и лукавство и низость, сдѣлавшия его способнымъ все на большій и большій обманъ, на болые раз, кообразныя похлденія и пресуупленія, цѣлый рядъ которыхъ отъ совершилъ, находилъ послѣдствительно въ услуженіи го у свдцетника, го у дворянина, цмпирающаго съ голоду изъ за дворянской сити, го у монаха, го у продавца иудулгенцій, го у капла, на или полиційскаго. Наконецъ, руководимый самъ, ми позорными подулденіями, Лазарильо женился и зашилъ своимъ домкомъ. На этотъ разказъ обрива. ется, не ~~указывал~~ даже

И такъ содержаніе повѣсти — похлденія и лузо, вазаго смозливаго слуги, который не церемонится съ чеулностию и правдой, когда гоь становаея елу по, перека дороги; но въ сущности это злѣйшая сарира на весь классъ общелства, съ предшавилельми которого Лазарильо знакомъ корозко, потому что знаеъ весь мелочи иль закулисной жизни, видитъ ихъ посто, ятно, по донашнему? Покамъ положъ знація лю. дей и оузой сарирры. Вся книга написана бойкимъ, вкразилельнымъ и призоомъ чистого кастилельскимъ языкомъ,

+) Помимо реально бытового элемента, дьяволицкого Лазарилло драгоценнейшим пособием для изучения меканского одиссея в XVI веке, романы оживает рождали литературными достояниями — ма- сферыволье фразеажа и умножение рисовале характеры, в которых одиссе и жинитаское все на лекцию елиго в националистиче и индивидуалистиче. Все безропотидея в романы лица: пиний, салеский священник, монах, рыцарь, — все сравае перед нами как живые. В беседности здрелс это ру- котворий невольно заглавляеь веполннть втлелсн.

ну: Мтькозорый описания заеь картинны, что рббко можно безропуть подобный в прозаической мифера, дуурть, а характерисерики заеь снтьла и мтьзки, что инквизиция предписала выеертьуть изь романа цри слтьбдуоцихъ изданиахъ мтькозорый главы, вь которыхъ изображалася дьдзельность духовныхъ лицъ извесеу, наго сорза и продавцебь индулгенциий.+) Повесть не озмлаея большими объемоь, но гревонаймо ис- кучеый и оеуроуьный разеаза, удачно воспронз. ведение мтевной жини и правобь, наконецъ, здр- фактное прозивоположение вь одной счоронь — весе- лаго, дерзкаго и изворозливаго случи, вь другой — солидной и еженной важности счарыхъ касдыс. цебь — все эзо сразу упростило чрезвычайнучо попу- идрносуь книги. Подь влияниемъ своей умехвенной свободь мтедоса, вьтлелсн вь мртескии срилозво- ренидми вь италсйскомъ вкусе, создаль одно изь оригинальнейшихъ произведений меканской ли- тературы, какъ разь романы „Лазарилло де Ттор- месъ“, самый ранний вь Меканин изь заеь назывне, мвехъ „млузобскихъ романовъ“. Изложение вь келчи озмлаея необикновенной живосью и нагляд, мосью. В 1553 года, когда вышло первое издание, книга эза перенелавьбалася огемъ заею и вь Меканин своего содербеннаго наивно-лукаваго юлора. Но озе присущевид эзои геври, прадаоцией разеаза особую прелесет, нисколько не срадаеь художественная прада изображений и вь описанин современной Мекан- ний абзрь доураеяь зой объективности, зого полного забвения своей личности, коррое Я. Тумболдъ счидаеь первымъ достояниемъ художественнаго произведения, а Шопенгауеръ первымъ призна- комъ гениальности.

+) Помимо реально бытового элемента, дьяволицкого Лазарилло драгоценнейшим пособием для изучения меканского одиссея в XVI веке, романы оживает рождали литературными достояниями — ма- сферыволье фразеажа и умножение рисовале характеры, в которых одиссе и жинитаское все на лекцию елиго в националистиче и индивидуалистиче. Все безропотидея в романы лица: пиний, салеский священник, монах, рыцарь, — все сравае перед нами как живые. В беседности здрелс это ру- котворий невольно заглавляеь веполннть втлелсн.

ну: Мтькозорый описания заеь картинны, что рббко можно безропуть подобный в прозаической мифера, дуурть, а характерисерики заеь снтьла и мтьзки, что инквизиция предписала выеертьуть изь романа цри слтьбдуоцихъ изданиахъ мтькозорый главы, вь которыхъ изображалася дьдзельность духовныхъ лицъ извесеу, наго сорза и продавцебь индулгенциий.+) Повесть не озмлаея большими объемоь, но гревонаймо ис- кучеый и оеуроуьный разеаза, удачно воспронз. ведение мтевной жини и правобь, наконецъ, здр- фактное прозивоположение вь одной счоронь — весе- лаго, дерзкаго и изворозливаго случи, вь другой — солидной и еженной важности счарыхъ касдыс. цебь — все эзо сразу упростило чрезвычайнучо попу- идрносуь книги. Подь влияниемъ своей умехвенной свободь мтедоса, вьтлелсн вь мртескии срилозво- ренидми вь италсйскомъ вкусе, создаль одно изь оригинальнейшихъ произведений меканской ли- тературы, какъ разь романы „Лазарилло де Ттор- месъ“, самый ранний вь Меканин изь заеь назывне, мвехъ „млузобскихъ романовъ“. Изложение вь келчи озмлаея необикновенной живосью и нагляд, мосью. В 1553 года, когда вышло первое издание, книга эза перенелавьбалася огемъ заею и вь Меканин своего содербеннаго наивно-лукаваго юлора. Но озе присущевид эзои геври, прадаоцией разеаза особую прелесет, нисколько не срадаеь художественная прада изображений и вь описанин современной Мекан- ний абзрь доураеяь зой объективности, зого полного забвения своей личности, коррое Я. Тумболдъ счидаеь первымъ достояниемъ художественнаго произведения, а Шопенгауеръ первымъ призна- комъ гениальности.

и за границей.

Также как Мендоса, камерья, официально ни
 когда не выдавалъ себя за абзора Лазарильсо, ^{и некоторые историки и иезуиты} ^{между ними и проф.}
 Сигуэнса въ своей обширной и иезуитской исторіи ^{Стороженико, сира,}
 ордена Св. Теронима утверждаетъ, что Лазарильсо на, ^{портъ Лазарильсо про.}
 писавъ Хуаномъ де Ортега, однимъ изъ приближенн., ^{извѣстнѣе изъ}
 князь Карла V во время пребыванія императора въ мо., ^{большаго абзора и}
 маэстръ Св. Иеза. Замѣчательно, что Сигуэнса, человекъ
 духовнаго званія, судаетъ посправедливо, до.
 споминувъ Лазарильсо. Вотъ что говоритъ онъ о немъ,
 по слову абзора Хуаномъ де Ортега: Dizen, que siendo estu,
díante en Salamanca, tan cebo, como tenía un ingenio
tan galan y fresco, hizo aquel librito que anda por aki,
llamado Lazarillo de Tormes, mostrando en un sujeto tan
humilde la propiedad de la lengua Castellana y el decoro
de las personas, que introduce con tan singular artificio
y donayre, que merece ser leydo de los qui tienen buen
gusto. El indicio desto fue, averle hallado el borrador
en la celda de su propia mano escrito." (Говорятъ,
 что будучи студентомъ въ Саламанкѣ и обладая собственнъ
 и изысканнъ талантомъ, написавъ книгу по имени
 Лазарильсо де Тормесъ, въ образчикъ своего низменнаго сознанія
 оны съумѣлъ обнаружить духъ касильскаго языка и досконало
 введеннъ языкъ, озереннъ съ зожимъ искусствомъ и талантомъ,
 что книга его заслуживаетъ быть гизантой моды, обладающими
 изысканнъ вкусомъ. Это доказываетъ то, что въ его кельи нашли
 черноводъ, писанную его собственнъ рукой).

-коммюнагоральм

Кризукальм (однако представляется невозможным, чтобы эта книга могла быть написана духовником, ибо, по-моему, это она содержит слишком злые нападки на церковь. Но зато или иначе, повествование и до сих пор весьма популярно и даже положила начало особому роду специально испанской повести, боварельской литературы — также называемому „*Justo ricatesso*“, т.е. роману в плутовском стиле, извещу, может козорога распространяется на целый свет, благодаря Жюль-Блазу Ле-Сана. Творец же, это и Буало как-то требался написать роман из жизни Диогена-Квинтика „*de la plus parfaite quieserie*“, как он выразился; он надеялся, что его повесть будет „*beaucoup plus plaisante et plus originale que celle de Lazarille de Tormes et de Guzman d'Alfarache*“.

Лазарильо Мендоса вызвал не мало подражаний — общая участь всех сочинений, приобретающих особую популярность. „Взгляд на Лазарильо“, написанный Эриком де Лука, довольно длинный, продолжает рассказ как раз с того места, где остановился Мендоса; но продолжение это никак, книги досюжетовали не откликается, кроме развлекательных удачных острот. Здесь рождаются идея об участии Лазарильо в походе Карла V против

Алмира в 1541 году; корабль, на котором плыве ла, зарылся, погрузив, и с этих порь рассказы предсрав. лаясь сплошной рядь однихъ только несообразностей; Лазарилло попадаетъ на морское дно, забирается тамъ въ какую-то пещеру или пору и превращается въ рыбу хучица; заговле большая гасъ книги повтесъ. Везде одь его блаженной жизни въ царствъ хучицовъ. Наконецъ онъ попадаетъ въ неводъ и въ страхъ за своего жизни вновь принимаетъ человѣческій образъ, возвра. щается въ Саламанку и пишетъ тамъ повествование о своихъ приключеніяхъ.¹⁾

Изъ филозфическихъ произведеній Мендосы самая замѣчательная — посланія (cartas), проникнутой фило. софическими мыслями, изъ прозаическихъ — только одна изъ лучшихъ романъ „Лазарилло де Тормесъ“. Другія его произведенія, больше объемистыя, только тѣ, которые написаны въ шпанской формѣ, именуя живыми неподдѣльными королямъ, больше идущими авторы „Лазарилло“, только императорскому уполномоченному на Триденцкомъ соборѣ или при папскомъ дворѣ. Въ. который изъ нихъ заключали въ себѣ какія возможности, что тамъ и остались не написанными.

Только же характеромъ проникнуты два его пис., на или зовутъ два разсужденія въ формѣ писемъ (letrillas): въ первомъ изъ нихъ, написанномъ въ годѣ

1) Это продолженіе написано въ 1552. въ Антверпенѣ, подь заглавіемъ „La Segunda Parte de Lazarillo de Tormes“, но въроудно оно было раньше въ Испаніи. Эта гасъ значительна частью первой.

оуъ лица пишущаго письма при дворе, находився харак-
 теристика низших придворных чинов, какъ позы,
 валяясь, Saltatibetas: должно одыше, съ работными
 материалами, они спускались входы и выходы во дворецъ
 и оскандаторъ председателя Каспийскаго Совета проеда-
 ли дакъ шль одну изъ безчисленныхъ мелкихъ долж-
 ностей при дворе. Другое письмо адресовано Педро Са-
 лацару и ослышавъ его книгу о германскихъ вой-
 нахъ императора, пригласилъ авторъ, по словамъ Мендо-
 сы, приписываеуъ себя больше, чьмъ слѣдуетъ. Оба письма
 проникли въ оригинальный томъ и патристиче-
 ского веселостя — каеува, лезавилля, побиди-
 мому, въ основѣ характера Мендосы: какъ ни сер-
 езные и важные были занимаемая имъ должности,
 каеува эи въ зенитѣ всей его жизни, до и дѣло,
 прорывались у него наружу.

Какъ я уже раньше сообщилъ, подъ старость Мен-
 доса склонялся все больше и больше къ серьезнымъ за-
 нятямъ. И уже по самому складу своего ума Мендоса
 оунода не могъ впасть въ бездѣйствіе, да этому помъ-
 тало бы и избранное имъ мѣстопребываніе: Грана-
 да не только вызвала въ немъ рядъ романтическихъ
 воспоминаній, но и зысно было связана со славой
 всего его рода; здѣсь же онъ провелъ большую часть
 своей молодости и рано освоился съ пажубниками

Билого маврскаго погубителя, когорые говорили ему о зовъ времени, когда Гранада была столицей одной изъ сильнѣйшихъ и блестящихъ магометанскихъ династій. Здѣсь отъ естественнаго должесть быть возвращены къ своимъ раннимъ полугарабскимъ символамъ и закрѣплена, приведа въ порядокъ свое рѣдкое собрание маврскихъ рукописей, предана изучению мифа, разума и исторіи родного города, пока не оформившая на рѣшетѣ описанъ на досугъ какую нибудь одну эпоху 970й исторіи.

Избранный имъ періодъ былъ еще свѣтъ убитыхъ въ палатки: 970 періодъ возстанія мавровъ (1568—1570), не внесшихъ наконецъ здѣшного угнетенія со стороны Филиппа II. Мендоса ^{написалъ исторію маврскаго Возстанія и отъ} ~~располагалъ всѣми средствами~~ для выполненія задуманнаго имъ зруда: его отецъ предводительствовалъ войскою въ поддѣтокномъ походѣ 1492 года, къ когорому зруда его сына, Исторія маврскаго Возстанія возвращающагося отъ гасго, а позднѣе отецъ былъ правителемъ Гранады; одинъ изъ его племянниковъ началъ руководить арміей въ войнѣ противъ мавровъ. Понемногу, когда возстаніе было подавлено, маски, зый государственный геловникъ Діаго Мендоса, свой среди слѣдствъ разрушенія и живыхъ воспоминаній мифической борьбы, узнавалъ отъ угасшихъ и очевидцевъ все, что случилось съ обѣими сторонами замкагелскаго.

Отличное знакомство с предметом и небоязливая
живость и яркость описаний язык и перекосы в выражении
во самый разгар событий, вызывая интерес к сюжету,
наименее эпизодами, которые остались бы незамеченными,
если бы не были представлены язык живо и увлекательно.

„История Наврского Возвращения“ Мендоса носит на
себе следы прищипанного изучения и подражания амери-
канским образцам; во всяком случае она далеко ушла
от льдописного склада предшествующего периода ис-
панской историографии. Дух древности сказывается
уже в самом начале зрелости: „Я напьюсь — язык на,
синарь старый воин — полководец — рассказ о вой-
не в Гранадь, которую кастильский король Менакин,
Филипп II, сын необходимого императора императора
Карла, вели прозвись новообращенных мавров,
ников и козоруя я видать газго самь, газгоо описань
по рассказам участвовавших в ней оруженых или
советовых.“

Людоедственная образность послужила для Мен-
доса Саллюстий. Подобно „Войне прозвись Катилины“,
„История Наврского Возвращения“ представляет собой
мое сочинение, охватывающее удивительно смелыми
и смелыми слогами. Маврокорид мавра написаны
очевидно в подражание Тацитам, во козору по
силе выражения и суровой тона Мендоса подхо-

дизъ ближе, чѣмъ по великолѣпію слога — къ Саллюстію. Иногда эти подразделения, говоритъ Тикторъ, бывають даже удачны, что производитъ впечатлѣніе подлинны, ка. Мраку для прилѣтна на обывно приводимое мѣсто, замѣгательное по живописи изображеній и глубинѣ чувства: это подразнаніе живому и смачному разсказу Тацита о посвященіи Германикомъ и его войскомъ теубургскаго лѣса, гдѣ лежали не преданныя земля осканки зрѣхъ легионовъ Вара и о погребеніи имъ своихъ падшихъ и позабытыхъ союзесубетниковъ.

Почти тоже находимъ мы и у испанскаго герцога: описанное имъ событіе до того сходно съ разсказомъ у Тацита, что подразнаніе представляется вполне естественнымъ. Во время возвращенія навровъ въ 1500—1501 годахъ, неподалеку отъ Малаги понадобилось какъ-то разрушить крепость въ горахъ, неподалеку отъ Малаги. Никто не вызывался идти на это рискованное и опасное предпріятіе. Наконецъ Донъ Алонсо де Агиларъ, одинъ изъ лучшихъ рыцарей въ арміи Фердинанда и Изабеллы, взялъ на себя это опасное порученіе. Попытка его не удалась, и никого почти не осталось въ живыхъ, что въ разсказѣ о подробностяхъ изображеній; но храбрость рыцаря и самопожертвованіе Агилара произвели въ то время сильное впечатлѣніе и дали содержание многимъ саритивнымъ ро-

мансаль. Почти семьдесят лет прошло со времени этого злополучного предприятия, когда Мендоса приступил к его описанию — а козы испанцев и наврок все еще бьются на зов миссы, где пали сражавшиеся. Борьба двух народов отныне возобновилась вследствие возрания побывавших; отныне старыми Экедизимо вь зте же горы. Походомь руководил герцог Аркосский, прямой потомокь одного из убийцхь здесь же героев, родившихся Алонсо Агилара. Покуда изговивался войска, герцогъ посылалъ съ небольшимъ отрядомъ это печальное миссо.

Вотъ рассказъ Мендосы: „Герцогъ оставилъ Касарега, осматривая и занимая горные проходы — необходимая предосторожность при неуверенности въ успехахъ военного предприятия. Отрядъ началъ подниматься на горныя высоты, где, по рассказамъ, лежали непогребенными тѣла убийцхь — ужасное зрѣлище и скорбное напоминаніе! (У Плинуза: *Incedunt moestos locos, visique ac metoria defortnes*). Между послывавшими теперь это миссо были родившиеся и потомки убийцхь, — люди, козорьные по преданію извѣстны были всей подробности этого несчастнаго событія. Принимая сперва зуда, где остановилъ, съ когда-то за земного ноги передовой отрядъ со своимъ предводителемъ: это широкая ^{долина} долина между подои, вой горы и наврокской крепостью, защищенная южно естественными прикрываніями. Здесь ваялись человѣческіе

перена и лошадиные осы, газго сложенные вьюсь въ кучи, газго разбросанные замь, гдѣ приходилось падагь убьюну, — среди обломковъ оружид, оуражковъ сбруи и догарьхъ рыцарскихъ доспеховъ." (Ср. Платина: „Medio campis albertia ossa, ut fugerant, ut restiterant, disiecta vel aggerata, adiacebant fragmina telorum equorumque artus, simul truncis albotum antefixa ora"). Далѣе увидѣли и самую крепость: она уже почти сравнялась съ землей и представляла лишь жалкія развалины. Подвигаясь понемногу впередъ, вои ны припомнили мѣста, гдѣ погибли вьюсь и генералы, и офицеры, и рядовые; рассказывали другъ другу, гдѣ и какъ спаслись оуважившійся въ шиваль, — и въ числѣ ихъ графъ Уренскъ и Педро Агиларъ, сзашій сынъ Дона Алонсо; болковали, какъ зюрь послѣдній долго заццинался среди двухъ скалъ, какъ получилъ оуъ набрскаго бое, началника первую рану въ голову и взорую въ грудь, оуъ козрой палъ; вспомнили слова, произнесенныя обонимъ враждебными возидли, когда они сошлись вьюсь: „Я Донъ Алонсо", сказалъ одинъ. — „Ты Донъ Алонсо, а я возидъ Беназмаровъ", оувогалъ другой, нанесъ ему смерзельный ударъ; говорили о зюль ранахъ, какія ему нанесъ Алонсо, козройя однако не были смерзельны; вспомнили, что и друзья и враги одинаково скорбали объ его утаси, и теперь на зюль же мѣста, возобновилось скорбное гувезво воиковъ. Начальниковъ приказалъ оу,

Laticuldr. 315. l. p.

слушающъ напихиду по убизанью, и вѣтъ попоминетъ о
вотомъ упокоеніи ихъ души, не зная, молвѣлъ ли
они за родныхъ или за враговъ, и эта неуверенность
должно усилила всеобщее ошесроение и желаніе во что
бы ни стало отыскать грѣхъ, на кого бы можно излечь
своего месть. (У Тациуса: Ignitur romanus, qui aderat, exer-
citus, sextum post cladis annum, trium legionum ossa,
nullo nosciente alienas reliquias an suorum humo tege-
ret, omnes ut conjunctos ut consanguineos, aucta in ho-
stem irâ, moesti simul et infensi condebant).^{exhibent}

Такимъ образомъ въ „Исторіи Наврскаго Возстанія“
майндеръ не мало: очевидно, Мендоса охотно позволялъ
себѣ увлекаться обработкой оцѣльственныхъ эпизодовъ и въ
особенности въ удовольствіи сфарался разукрасить пред-
метъ своего разказа, (что касаясь до рыцарей у Мендосы,
это очень ^{онъ очень} каррикельны и
го) невольно напрашивается на сравненіе проги, про-
изосмившія у Плуза-Ливія негодующими карваген-
скими возидями); но уклоняется отъ главнаго событія
ради описаній вѣросрементныхъ эпизодовъ, Мендоса
никогда не впадаетъ въ назиданіи, и его разказъ всег-
да остается силственнымъ и производитъ полное впечатлѣ-
ніе.

Въ этомъ родѣ — и по содержанию, и по манеру изло-
женія — написана вся книга; ея снатуръ и стѣльвій слог
вполнѣ соотвѣтствуютъ духу испанскаго языка, — жене,

ние мыслей плавное и быстрое и легко увлекает читателя. Между историческими сочинениями предвидущаго периода, написанными въ стилѣ хроникъ, нѣтъ ни одного равнаго Эюму, и даже изъ позднѣйшихъ развѣ очень немногид могутъ по силѣ, стилю и вѣрности сравниться съ: «Исторією Розуаніа Мавровъ». Какъ уже знаемъ, Эюдъ Эюмъ — лебединая пѣснь Мендоса и въ гези Эюго авторъ сподуеетъ сказать, что онъ, несмотря на свой испанскій образъ мыслей, оцнесся великодушно и безпристрастно къ врагамъ своей вѣры и своего народа, и въодушевіе Эюго его книга могла подвижитъ въ свѣтѣ лишь много нѣтъ спустя послѣ его смерти и не ранне окончательнаго изгнанія несчастныхъ Мавровъ изъ Испаніи.

Какими бы глазами ни смотрѣли на та дѣла, нѣтъ Мендоса, онъ несомненно геловѣкъ необыкновенный. Особенно замѣчательно въ немъ счастливое соединеніе самыхъ разнообразныхъ способностей: военная оитно, дѣлательное умасіе въ дипломатическихъ дѣлахъ и вѣнѣсъ съ зѣль искренняя преданность наукѣ и лиферафурѣ — дѣлають его гетіалнѣйшимъ испанцемъ. Великіе и слава, козорники его надѣлила разнообразная судьба — это великіе и слава національной испанской поэзіи, національнаго языка, въ лучшую пору его высшаго развѣія. Благородный рыцарственный

сфарики занимають такі образы первое мѣсто среди писателей, окомладелно закрьпившихъ въ Испаніи эту литературную школу, козояя зиждется на прочныхъ началахъ національнаго гения и цезоуць прозивъ ка, кихъ угодно вліяній послѣдующаго времени. Подъ вліяніемъ умерженной свободы пендоса создалъ свои оригинальнѣйшія произведенія испанской литературы. Они принадлежатъ къ гилу зѣхъ испанцевъ, козоре встѣ, сѣе глубокаго изученія древности досрими содзвенной умерженной независимости.

Подразнаселенъ италіанской нагоральной поэзіи 1520-1561. Явился Теорій де Монтемайоръ (Torre de Montemayor), изъ города Монтенора въ Португаліи, близъ Коимбры. Когда родился Монтемайоръ — неизвѣстно, но вѣроятно до 1520 г. Въ молодости оный служилъ въ военной службѣ, а позже, благодаря своимъ музыкальнымъ способностямъ, получилъ мѣсто въ сфраевающей капеллѣ испанскаго принца, впоследствии Фриллипа II, и имѣлъ такіе образы слугай поствуръ гуріе края и ирен, муцезвенно Мзалию и Фландрино. Но научное образование его было очень скудно: оный не зналъ даже латинскаго языка, знаніемъ козорого обладали въ его время люди съ самыми скромными литературными образованиями, закъ это своимъ учетомъ оный былъ одя, закъ исключительно содзвенному заману и зой сфраеи,

Которая озарила своимъ свѣтомъ всю его жизнь. Но великъ върожденіемъ отъ покинулъ ~~она покинула~~ Испанію вѣлѣдствіе любовнаго разочарованія и, какъ кажется, погидъ на дуэли въ Туринъ, въ 1561г. Возвъ все, что мы знаемъ о немъ съ болѣе или менѣе доувереніемъ, поусью.

Разсказывая мизераурицію двѣдельное Силверре, мы уже встрѣтили между подразделами крадѣнской поэзии и Мондемайора, писавшаго: сонеты, романы, сатиры, поэму „Пирамъ и Тисбѣ“, новеллы, пасфорали и т. д. Но главное изъ его произведеній — „Diana вѣнато, гадъ“ (Влюбленная Diana) — она была первоначально издава въ Валенсія въ 1542г пасушескій романъ.

Уже въ средніе вѣка пасушеская жизнь была болѣе развита въ Испаніи и Португаліи, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Върожденіе вѣлѣдствіе этого Эклоги и дуко, мисескій срихозворенія такъ рано подвинулся въ поэзии обилие суровое, въ связи съ загадками народнои драмы. Съ другой стороны воинственнаи духъ, составлявшій одну изъ отличительныхъ чертъ Испаніи до XVI вѣка, рано или поздно дополнилъ болѣе пересказъ удоблеворяте монозон, мыль преувеличеніемъ своего характера роцарскили романами и искаже оубоха и покоя въ зинхой и про, свой жизни сказочнои Аркадіи. Таковыи были по край, ней мѣрѣ два существовавшія условія зодамней испан.

У „Las Partidas“, издавныи около 1260г, проливаютъ яркій свѣтъ на мѣру распроузраченія и значенія пасушеской жизни въ Испаніи, какъ въ эпоху ихъ издавнй, такъ и за долго передъ зѣмь.

ской культуры, которых благопріудежствовали повлеченію
этой ератной формы бытосла, какъ прозаическая на,
сформал, хотя и невозможно зернь опредѣлить, какую же
нентъ вліяній имѣло въ эту ознюшеніи ро или другое
целовіе.

Впрочемъ, относительнo одного пункта у насъ не мо-
жемъ быть никакихъ сомнѣній. Мы знаемъ, кто первый
далъ мнѣнго въ испанской пасушеской литературы и
знаемъ время появленія первого пасушескаго романа
въ Испаніи. Оузовъ новѣйшей пасуралы были Санна,
царо, неаполитанскій дворянинъ, семья котораго вѣдъ,
срѣдѣ политическихъ переворозовъ переселилась изъ Испа-
ніи въ Неаполь. Отъ него она прямо перешла въ Испа-
нію, гдѣ въ продолженіи долгаго періода была въ большой
модѣ и никогда не утрачивала вполне характера, перво-
начально даннаго ей Саннацаро. Это „Аркадія“, не имѣв-
шая, повидимому, никакой связи съ византійскою пасу-
ралей Лонга, но, повидимому, заслуживающая предпола-
гать о знакомствѣ ея автора съ „Анезо“ Боккаччо и съ
эплогами Белло, — была впервые издана въ Неаполь въ
1504 г. 1) Это пасушескій романъ въ прозе
и срихалъ, гдѣ безъ особой послѣдоваельности и подъ
видомъ любовныхъ интригъ пасушескихъ и пасушескихъ, оти,
сватозей приключенія, двѣсервизельно бывшій съ самимъ
авзоромъ и нѣсколькими изъ его друзей. Самого себя

1) Ginguené, Hist. Litt. d'Italie. Tom 10, par Salvi, pp. 87, 92.

онъ выводитъ подъ именемъ Синсеро, главного героя романа. Само собою разумно, что подобное произведение по самой природѣ своей должно было быть нѣсколько фразеологично, но зато написано оно самымъ правдивымъ и изящнымъ французскимъ языкомъ. Романъ Саннацаро имѣлъ большой успѣхъ, о которомъ скоро узнала вся Испанія, благодаря, конечно, раздѣламъ съ извѣстнаго автора. Во всякомъ случаѣ Испанія была первой имо, страной странною, гдѣ явилось, ~~гдѣ явилось~~ подражаніе „Аркадіи“, и единственной, гдѣ подобнаго рода произведенія впоследствии появились въ большомъ числѣ и пользовались продолжительнымъ вліяніемъ.

Самымъ извѣстнымъ подражаніемъ французской пасторальной поэзіи Саннацаро явился Георгій де-Монъ, Жемайоръ въ своемъ пастушескомъ романѣ „Диана“. Онъ, подобно Саннацаро, имѣлъ въ виду изложить въ фронтисписѣ пастушескаго романа нѣкоторыя событія изъ своей собственной жизни и изъ жизни своихъ друзей. Ради этого онъ собираетъ на берегахъ Эзлы, у подошвы Монскихъ горъ, нѣсколько пастуховъ и пастушекъ, которые поочередно разсказываютъ свои исторіи, занимаясь семь книгъ, написанныхъ прозою въ перемежку со стихами. Два главныхъ действующихъ лица Серено и Диана, появляющіяся въ началѣ романа въ качествѣ любовниковъ, разлучаются волшебными чарами и романа

совершенно неожиданно прерывается, з.е. заканчивая, ерся бракомъ Диана съ Делио, недооформивши соперникомъ Серено — исходъ мало въливающийся со вѣдѣнь предмещеу. ющивъ. —

По словамъ самого автора "Диана" содержишь въ себѣ описаніе дѣйствительныхъ приключеній. Намъ извѣстно также, что подъ именемъ Серено, герой романа, Конде, майоръ вывелъ самого себя, а Лопе де Вега прибавилеу, — это героиня романа, "Диана", была одна дама родомъ изъ ^(городка) Довъ-Крана въ Валенсін, лежащаго близъ города Ле-оты. Она написана прекраснѣею касильскимъ языкомъ, но трудно понять и оцѣнить ее ("Диану"), прогидя ее однихъ разъ. Ордѣльные рассказы, изъ которыхъ она состоить, до того перетураны между собою и такъ неуклюже связаны между собою, что ни въ главнаго сюжета посполно обрѣва, ерся. Прудность усвоенія увеличивается еще смѣшеніемъ реальныхъ фактовъ съ вымыслами во всемъ, что касается географіи, языковъ, нагн и христіанства; въ этомъ надо прибавить массу прозаическихъ и несообразностей, ерся ервен, но вытекающихъ изъ попытки поместить въ сердце не, нагн и близъ одного изъ наиболѣе извѣстныхъ городовъ поэтическую Аркадію, которая никогда и нигдѣ не сущевала. "Диана", впрочемъ, во вѣдѣнь случаевъ болѣе заслуживаеу названія романа, згивъ "Аркадія Сан-мацаро, послужившая ей образцомъ. Главнѣй ея στοιχεία

1) Въ его Argumento къ роману.

2) Лопе говоритъ, что Фрильда Кончалво, Талагя Сервантеса, Камилла Гарсиласо, Виланге Камоэнса, Силва Фернандеса, Фрильда Филароа и Леопора Корреалля, дали живая имитации, скрывающія подъ вымышленными именами. (Dorotea, Act. II. Sc. 2. Obra de Lope de Vega. Tom VIII, p. 84).

задумать полноты и похороши художественные, а Эпизоды интересные. Почти весь романъ приключенъе земной грустью неудовлечворенной любви, подъ влияниемъ которой несом., мнѣно и была написана вся книга. Нѣкоторые изъ сц., разговорнѣй, возблѣнныхъ въ романѣ, прекрасны, особенно лирическія; и хотя проза Мондемайора не такъ хороша, какъ проза Саннацаро, но зато не менѣе она озвучаетъ, съ издѣлсествомъ и роскошью красокъ. Словоны, при вѣсахъ своихъ недосказкаль „Диана“ не лишена для насъ иже, реса и зерера, несмотря на тоъ громадной прометузовы вренети, оѣдѣляющій насъ оъ нед., — она въ первый разъ вышла въ Валенсіи въ 1542г., — несмотря и на то, что теперь все вынасла этого рода вышли изъ моды и почти позабыты. Виду ~~этого~~ въ виду этого — какъ не оѣдѣе справедливоеъ хорошему вкусу свидѣетника, который спасъ „Диану“ при уничтоженіи библіотеки Дочъ. Ки. хога!

Климаъ и условия жизни Пиренейскаго полу., острова, съ самыхъ оѣдаленныхъ вренетъ, предсавлявшіе собою удобствъ для пасушеской жизни, несомнѣно способствовали, а можетъ быть и прямо были причиной появленія въ испанской поэзіи пасураментныхъ поэтовъ, оролоски которыхъ слышны уже и въ старинныхъ романсахъ. Но итальянская форма съ самого начала врен., но привилаетъ къ испанской пасурали. Мондемайоръ,

Саа де Миранда, Фригероа и Камфорале (оба первые — португальцы), все жившие в Мэзалин, задумались изъяснить им, сарг испанский элочи вь францускомь вкусь и зомь содействовали реформь Тоскана и Тарсимагесо. Все они мнтьли бохстой чистьть.

Трезвчайшая популярность Дианы не только вызвала множество подражаний, но и подала поводь къ млобонь, несли передьтлжамь ея вь религиозномь духь, подобньимь зомь, которьимь подверглись элочи Тарсимагесо де ля Веги. ^{Такъ какъ} Плана Эпатогада (Влюбленная Диана), какъ зна, ель, не была окончена ажоромь ея, то вь 1564 г., три года спустя посль его смерти, Алонзо Персея, брать изь Саламанки, королю Мондешайора, окончательнъ поки, дая Мспаию, сообщилъ плань ея окончань, — издавъ взорую гась Диана, начало которой происходить вь зомь зие волшебномь дворь Фрелисин, гдъ окончива, есь работа Мондешайора. Взорая гась содержитъ вь себя изорито приключеній паскуховь и паскуменовь, не верьгающихся вь первой, и вь зо зие время слушань продолженемь главнаго сюжета. Но и взорой гасьто не заканчиваеся романь. Она негдежь даиье смерти Далио, мужа Дианы, а по плану Мондешайора, за зумь должеть быть слъдовазъ бракъ Дианы съ Серено, ея пер, валь и вторымь возлюбленнымь. Романь обрываеть ся внезапно обьщанемь еще зретьей гась, которая

никогда не появлялась. Вторично на нее и не было серьезного спроса, так как в этот час, расхлужая на во-семь книг и знаменито превосходящая объемом пер-вую часть, гораздо ниже ее по доходу. Многие из ее похвалы лишены пылкой грусти, навязчивой со-бытиями любовными разочарованиями Монтемайора; другой ее недостаток, не менее важной в подобном роде произведений, это убогая, монотонная проза. Искренняя дикция, пересыпанная срифмами — еще худшими, чем в прозе.

Но не одна эта неудачная попытка была вызвана успехом Монтемайора. В один год с изданием кни-ги Тереса, появилось другое продолжение „Дианы“, автором которого были Тасторь Химс Поло, валенсийский дво-рянин и профессор греческого языка при Валенсий-ском университете. „Диана Эпистолада“ Поло имела до доходу, что она короче обвила своего предшес-венника. Она делится на пять книг и содержит опи-сание второстепенных и смерти Делио и замужество Дианы с Серено, с когоритом она возвращается, родившая своего мужа, низкого бросившего ее для другой женщины. Тут же есть несколько искусно вставленных эпизодов и множество всякого рода срифмований в бурлесковом роде, но не смотря на то, что первоначальный план Монтемайора был выполнен, книга оканчивается

объяснением далекнейшего продолжения, которое однако не появилось на светъ. Существуетъ и дрездъская „Диана“, озаглавленная „La Diana de Montemayor, nuevamente compuesta por Hieronymo de Texada, Castellano Interprete de Linguas, Residente en la Villa de Parç etc. (1627). Она посвящена принцу Шванбургскому и состоитъ изъ двухъ томовъ.

Не смотря на то, что Монтемайора явно выдержана подражаниемъ Саншаро въ своемъ пастушескомъ романе „Диана“, стихотворения, введенныя имъ въ это произведение, равно какъ и тѣ, которое отъ издателя вносятся въ отдѣльную книгу, представляющую собою поэму, были лучше изъ всего имъ написаннаго, по крайней мѣрѣ должны быть отнесены къ старинной поэзіи, отчасти школы. Въ свои стихотворения, какъ и въ „Диану“ Монтемайора ввелъ нѣсколько словъ и оборотовъ изъ своего родного португальскаго языка. Иногда Монтемайора писалъ разомъ на двухъ языкахъ; такъ въ его Сансионето (1588 г.) одитъ изъ сонетовъ написаны на испанскомъ и португальскомъ языкахъ. Сборникъ его стихотворений, озаглавленный „Сансионето“ былъ въ первомъ ^{разѣ} изданіи въ 1554 г. Но „Диана“ Монтемайора скоро затмила своей популярностью свой италіанскій образецъ и нѣсколько времени наполнила своимъ блескомъ всю Европу, не считая себя соперниковъ. Она переведена на все языки

и имела множество подражаний.

Другой португалец, подражавший Тарсильясо де ла Велье, 1470 — франциско Сааде Миранда (Сааде Миранда (Miranda?)), живший тоже большой ученик. Он родился в 1495 году. Уступая своему вынужденному велению, он отказался от предназначенной ему юридической карьеры и от возможности занять высокое положение при дворе, чтобы всецело посвятить себя поэзии. В его биографии сообщается странная фраза, что он именно был вынужден в отставку от не красивую собою, что семья отказала ему в согласии на его брак, надеясь, что он одумается; но Миранда настоял на своем и, женившись на даме своего сердца, так сильно привязался к ней, что умереть с горя в 1552, похоронив ее.

Сааде Миранда был первым из португальцев, воспользовавшихся формами, введенными в употребление Босканом и Тарсильясо; едва ли кто-нибудь другой из португальских поэтов достигал такого изящества и силы в своих произведениях, и у нас, вероятно ни один из них не создавал подобных экземпляров. Однако не все наследовали Миранды принадлежность к новому роду; напротив, многих из них на писаны старинными королями срихоль и, повидимому, принадлежать к той эпохе, когда автор еще

не были знакомы с фонтаном произведенной реформой
 в испанской поэзии. Но все это запечатлелось в
 духом просвещения, естественности, который характеризует
 указанной много родъ литературы и, который, въ со-
 мнении, такъ редко въ немъ встречается. Это подтверди-
 лось его превосходного пасторалью „Мондего“, написан-
 ного въ сцену Гарсиласо и содержащей въ себѣ био-
 графію автора, предназначенную исключительно для
 короля; подтверждается и сегою экологіей Миранды, на-
 писанной въ сцену Хуана дель Энсимы и Хуана Висен-
 те, и кажется предсказанной во время праздника, учре-
 яденнаго знаменитой фамиліей Перейра, праздновавшихъ
 благополучное возвращеніе одного изъ своихъ членовъ
 изъ похода противъ туземцевъ.

Любовь къ природѣ, къ сельской жизни и къ сель-
 скимъ занятіямъ наполняютъ собою почти каждое
 изъ произведеній Сааде Миранды. Даже означеніе къ
 титлованнымъ у него естественнымъ и любовнымъ, такъ у
 другихъ писателей. Явь его сценнозвереній доказавъ про-
 сзой и землемъ губернаторъ, ясно показывающій, что
 они вытекли прямо изъ сердца. Потому такъ же, какъ
 Монтемайоръ, Миранда написалъ такъ много по-испан-
 ски, такъ же трудно объяснить. Можетъ быть, онъ нахо-
 дилъ эгоизмъ языка болѣе поэтическимъ, чѣмъ родной порту-
 гальскій, а можетъ быть иль руководилъ какия нибудь

Испанская поэзия во XVI столетии.

число стихов прилики. Какъ-бы то ни было, по мере
эволюции изъ восьми написаны вполне правильными
и плавными касимскими партиями. Результатом его
интересной деятельности было то, что Саа де Миранда
принадлежитъ къ ряду крупнейших поэт.
испанских поэтов и что творчество его занимает
одно изъ высшихъ местъ среди поэтовъ той гордой нации,
которая скоро, хотя и на время, сдѣлалась владычицей
нашей родины.

Монтемайоръ, Хиль Пало и ихъ подражатели въ
области прозаической пасторали, особенно развѣтветы
въ своихъ романахъ всевозможные бытописательскія сцены,
но рѣдко или удачно такъ, какъ Миранда, удаляясь отъ
способовъ возвысить индере и досконалства своихъ про-
изведений. Досконалства Миранда, какъ поэта, превос-
ходно оцѣнена Антонио дазъ Невель де Перейрой
въ изданіи житея его „*Memorias de Litt. Portuguesa*“ въ
изданіи Королевской Академіи Наукъ (Lisboa, 1793,
pp. 99 etc.). Нѣкогда изъ его сочиненій попали въ
испанскій *Index Bibliographicus*, 1667, p. 72. —

Важное въ цѣлой вереницѣ не стоить забывать.
нахъ лириковъ особенной слабой пользовался монте
и знаменитый профессоръ Саламанкского Университета
Луисъ Понсе де Леонъ (1527^в — 15912.).

Говоря о происхожденіи испанской школы испан.

ской поэзии мы еще не имели случая останавливаться на нем. Внимание на зомь выданоуемся элементом испанского народного характера, козорый мы встрѣтили въ романсахъ и поэмахъ и козорый преимущественно проникъ собою всю громадную массу національной литературы; а раздумото элементъ религиозный. Въсподсрбие многолѣтнею борьбой съ мабрами въ старинномъ кастильскомъ характерѣ, на ряду съ второею королю и царскимъ духовомъ, развитое благоговѣніе къ церкви, или вторичное сказате къ религии церкви, и глубокое чувство мабозиноеди. Хотя это чувство принимало по времени малыя позитивныя формы и направленія, зтомъ не мѣняе оно съ самаго начала съумѣло найди для себя подходящее поэтическое выраженіе. Это въ чувствѣ зтомъ въ зеченіе XVI столѣтія не произошло ни малѣйшей перемѣны, поразила зомь доказауемъ звомъ служивъ личное извѣстнаго испанца, родившагося черезъ двадцать лѣтъ по смерти Діаго де Медоса, но благодаря болѣе мягкимъ и серьезнымъ свойствамъ своей натуры, весьма легко усвоившаго направлѣніе, озъ козорого старый воинъ даже рѣшительно уклонился.

Личное зга — Луисъ Понсе де Леонъ, прозваный въсподсрбие своихъ романскихъ и непрерывныхъ связей съ церковно „братъ Луисъ де Леонъ“ (Fraу Luis

de Leon). Онъ родился въ Бельмонте въ Ламакта
въ 1527 или 1528 г. и прожилъ тамъ до пяти или шести
лѣтъ, пока отецъ его, бывшій королевскимъ адвокатомъ,
не перетянулъ съ семьей сначала въ Мадридъ, а затѣмъ
въ Вальсэдольдъ. Относительно воспитанія юный поэтъ
пользовался всеми преимуществами, создававшимися въ
ту пору исключительное господство высшихъ классовъ об-
щества. По документамъ герцога и марки мнѣ его похваля-
ли въ находившійся по соседству Саламанкскій универ-
ситетъ, гдѣ онъ, побуждая природному и неподлинному
религиозному блескитю, поступилъ въ монастырь ор-
дена св. Августина. Дривъ магомъ окончательно опре-
дѣлилось направление всей его послѣдующей жизни!
Онъ навсегда охотился монахомъ и никогда не разсуждалъ,
съ въ воспитавшимъ его университетомъ. Въ 1560 году
онъ получилъ степень лиценціата богословія и непосред-
ственно затѣмъ степень доктора. Въ слѣдующемъ году,
будучи юристомъ герцога мнѣ, онъ занялъ кафедру св.
Томы Аквинскаго, одержавъ на публичномъ конкурсѣ
верхъ надъ всеми другими кандидатами, изъ которыхъ
герцогу были профессорами. Десять лѣтъ спустя къ за-
нимаемому имъ почетному должностному, онъ присо-
единилъ также должностное профессора библейской
литературы.

Вліяніе и уваженіе, которыми онъ пользовался,

1) Въ 1837 г. докторъ Ходе де Касеро-и-Ороско написалъ драму подъ заглавіемъ
, Fray Luis de Leon', гдѣ онъ изобразилъ Луиса отрекающагося отъ мира въ видѣ
своей несчастной любви и удаляющагося въ монастырь. Одну изъ главныхъ
ролей въ этой драмѣ сыгралъ Диего де Мендоса. Луисъ навсегда.

не замедлили однако создать ему толпу враговъ. Главными изъ нихъ были во-первыхъ монахи брадеевскаго ордена св. Доминика Саламанкскаго, съ которыми ему не разъ приходилось вступать въ горячіе споры на публичныхъ университетскихъ диспутахъ; изъ нихъ нѣкогда были его конкурентами на кафедре св. Доминика Аквианскаго и поглотили поражение на конкурсахъ.

Для подобныхъ людей, неразборчивыхъ на средства, случай къ нападенію не замедлилъ представиться. Предлогъ сначала послужилъ его кастильскій переводъ ^{Тиски Писаній} Сантисимисимисима Соломона, будто бы передъ латинскимъ въ эллогу. За первыми обвиненіями немедленно послѣдовало второе, соиздавшее въ толпу, что онъ на публичныхъ университетскихъ диспутахъ позволилъ себѣ заявить, что латинскій переводъ Библии подлежащъ исправленію. Наконецъ появилось обвиненіе въ присяжаніи къ новой опасной ереси, т.е. къ мюзеранству, и обвиненіе въ склонности къ еврейскому догматическому Писанію. Последнее восставлялось зтомъ больше вораждывалось, что въ земляхъ Леона земля отъ насъ индоская кровь, испоконъ вѣка ненавистная испанцамъ, кичившимся чистотою своего происхожденія и право, славіемъ своихъ предковъ.

Первый доносъ на него инквизиціи былъ сделанъ въ Саламанкѣ 17 декабря 1571 г. Въ началѣ все дѣло велось

подъ огромнейшимъ секретомъ, такъ что въ Леонъ не могло зародиться ни малѣйшаго подозрѣнiя. Въ скоромъ время, ни въ Саламанкѣ было допрошено до двадцати свидѣтелей, дававшихъ свои объясненiя письменно, и были получены свидѣтельскiя показанiя изъ Трамады, Вальядоли, да, Мурсии, Карзагены, Аревало и Толедо. Съ самаго начала дѣло приняло характеръ широко распространеннаго заговора противъ лица, на которое не безопасно было нападать явно, безъ основательной и осторожной вѣдомой подготовки.

Наконецъ, когда все было готово, последовала рѣшительный ударъ. 6 марта 1572 г. профессоръ Луисъ де Леонъ предсталъ лично передъ судомъ инквизицiи въ Саламанкѣ, по обвиненiю въ переводѣ на оскесувенный языкъ „Писемъ Писней Соломона и въ распространенiи этого перевода; остальные обвиненiя были пока отложены въ сторону. Свѣдѣнiя Луиса Леона были искренны, ясны и точны. Онъ прямо призналъ переводъ своимъ, но заявилъ, что отдалъ его для одной монахини (una religiosa), которую онъ лично передалъ ей и въ скоромъ времени лично получилъ отъ нея обратно; — что, безъ его вѣдома, переводъ былъ впоследствии переписанъ монахомъ, присутствовавшимъ въ его келью и зайкомъ пущенъ въ обращение; что онъ усердно пытался прiосрамотить его дальнѣйшее распространенiе, озабравъ отъскалко сисковѣ,

сдвигавших облаков; и это только слабое здоровье помогло ему докончить то, что он уже начал, — 7. латинский перевод „Письма Пюссей“, с его соболезнованиями строго орудоксалтскими привилегациями.

Заключив от своего рога принять и горшезвенными заявлениями о своей готовности безпрекословно подчиниться приговору инквизиционного суда и о горячем желании всегда и повсюду защищать высокопочтенные шти учение и догматы римско-католической церкви.

После этого полного охрищенного сознания обвиняемого все дело должно было быть покончено и дано в архивы. Но на деле было совершенно иначе. Леонь именованно именован, истрежили, безобидных брагов, которые повсеместно распространяли клевету, что его громадная Бидлейская ученица бедер его бесстыди, ли шагали к ереси, и что, быть может, он уже давно прожескал в душите. Вследствие этого допрос его продолжался с неослабного орудоевства, и скоро все дело было перенесено из Саламанки в высший инквизиционный трибунал в Валле-Адолиде. 27 марта того же 1572 г., Леонь был арестован и заключен в секрет, кцию зюрску (carceres secretas) инквизиции, где на пер, были пораз, ему даже не дали поща для разрыхления нищ, и где во все время заключения он не мог получить ни клога думачи или книгу, без специального

на то разрешение судей.

На все высказанная прозвучь него обвинений и клеветы Луиш де Леонь озвучалъ гисдосердечно, талану, ливо и Ясно. Его допрашивали болые пазидескри разъ и зашифированная рочи, произнесенная шль на судыи сохранившися помынъ въ подлинныхъ рукописяхъ, замиланоръ болые двухъ софъ неказныхъ сфратимъ.

Наконецъ послъ почти пидилгодичныхъ жидерныхъ усилий инквизицорской изобротачельности словица его хожа и крожкй, но звердый духъ, 28 септэбръ 1576г., сосодался приговоръ суда. Приговоръ эзотъ болъ крайне оригиналенъ. Терверо изъ семерехъ его судей подали голосъ за то, чтобъ подвергнутъ обвиняемаго пытку (quistion de tormento), чтобъ узнать, какія были у него малочеренія совершугъ то, въ цель его обвиняючь, но присовокумяли при эфотъ, что пытка слъдучезъ умеренно, въ виду слабаго сложения подсудимаго. Двое изъ судей были зого мнотнйя, что ему слъдучезъ едлагаъ выговоръ въ присудеви инквизици, оннаго суда за то, что онъ осмълнлся касаться вопросовъ, поущимъ произведи соблазна и пофредовачъ оръ него, чтобъ онъ въ присудеви всего универсидерскаго синклм. за сознался въ зомъ, что пькозория его мнотнйя, извле, ченныя изъ озобратныхъ у него бумачъ, рискованны и подозрительны и въ заключеніе запрерицъ ему пре, преподаваніе во всехъ общесудебныхъ заведенійхъ. На.

концем одним из судей просил позволения подать ордынку,
наше мнение...

Но все эти приговоры — даже наименее суровый из
них — не находили себе оправдания ни в одном из
свидетельских показаний, ни в поведении и образе
мыслей подсудимого, обнаруженном во время процес-
са. В сущности слабейшее из предложенных наказа-
ний равнялось срамотному унижению и позору для благо-
госудивого монаха, между тем как наказание, предло-
женное большинством суда, было столь жестоко, что сла-
бое телосложение Леона едва ли бы его вынесло. По-
счастли, ни одним из этих приговоров не было приве-
дено в исполнение. Члены высшего мадридского ин-
квизиционного совета выказали в своем окончатель-
ном приговоре свойственную им холодную, безучаст-
ную осознанность: они прошли полностью мона-
хий приговоры низших инстанций и в силу своего
нового и горше сурового приговора от 7-го декабря 1576 г.
объявили подсудимого полностью оправдан-
ным (absuelto de la instancia deste juicio) с условием,
чтобы он впредь был осознан, как в способе,
так и в выборе места для обсуждения вопросов, по-
добных тем, которые подали повод к его процессу.
Перевод же его, Льюисом Льюисом^{де} решено было упростить.
Срало-быть, Луис^{де} Леон был выпущен из тюрьмы, с

По ходатайству самого великого инквизитора Гаспара де Кирога, Леон не только был пощажён от смерти на костра, но и его полная безвин-
ность была воздвигнута самыми блестящими образом.

обвинились в таких случаях предприсядениями не им, заже злоба на лице, козорових отже подозревали в свидѣ, зельсубѣ прокувъ него и храниче въ мудрохой райнѣ все гро, мсходившее на судѣ, ибо въ прокувномъ случаѣ ену гро, зило озлученіе оръ церкви и другія наказанія по усмоу, равнито инквизиціи. Вслушавъ эгоу приговорѣ, Лушь де Леонъ далъ за собуვენморучного подписаго обѣзѣ не, креннѣло подименія и покорносѣи, и ожался вторенн данному слову.

Такъ закончилъ эгоу необычайный и жесокій процесѣ, козоровій елуширъ самовнѣ прискорбнннмъ до, козауельсубовнѣ зого порабоуенія, до какого были дове, денн духоваго зираниѣто чннѣ наидолгѣе возвышенннѣ и образованннѣ, не говорѣт уже о зомѣ, что эго порабоуе, ніѣ было печалнннѣ предзнаменованіѣмъ близкаго упадка національного характера.

Но университетъ ожался вторнннѣ своему профес, сору во все вренѣ ело процесѣ; насроуко вторнннѣ, по крайней мѣрѣ, что ни одна изъ кауѣдрѣ, занимаемннѣ ннѣ, не была передана другому лицу или обѣявлена ва, канутой. Поздому зомчась по выходоу изъ зельнннѣ инквизиціи, онъ снова поавннѣ въ старинннѣ ау, днзоріѣнѣ Саламанки. Возвращеніѣ ело ознаменовалос прекрасннѣ фразѣмъ: кода 13 декабрѣ 1576 г. Лушь де Леонъ снова занялъ свое обѣннѣе мѣсѣо на кауѣдрѣ,

окруженный многогласной толпой слушателей, жаждавшей услыхать изъ устъ профессора нарекши на вѣны, сетовая на преслѣдованія, отъ началъ просро свободу, пощипли словами: „какъ было замѣчено нами на по, следней лекціи“, и затѣмъ продолжалъ свой курсъ, какъ будто бы воспоминаше о нѣдѣ зятемельныхъ годахъ при, зрѣственій и оскорбленій совершенно изгладилъ изъ его памяти.

Хотя здоровье Луиса де Леона, сильно пострадавше отъ пребыванія въ тюрьмѣ, никогда вполне не поправлялось, но отъ зѣлѣ не меньше прожилъ около четвертацѣти лѣтъ по выходѣ на свободу. Въ особеннѣеи подъ конецъ жизни, его дарованія и презертонныя имѣ сраданія, его безропозное и чистая вѣра, окружили его личное ореоломъ свѣдѣнъ не только въ глазахъ друзей, но и враговъ. Не одно рѣшеніе, касающееся монашескаго ордена, котораго отъ состоялъ членомъ, или университета, гдѣ отъ преподавалъ, не было при, нѣдо безъ его совѣта и одобренія. Незадолго до смерти состоялось избраніе его въ канцлершики ордена и въ послѣдніе дни своей жизни отъ былъ занятъ составленіемъ новыхъ правилъ для преобразованія ордена. Въ, яніе Луиса де Леона неослабно возрастало до самой его смерти конгиты, послѣдовавшей въ 1591 году.

Особенной Радомъ съ цѣлою вереницей не свои зна,

гигантских лириков, особенной славой пользовался не, дотошней поэт и знаменитый профессор Луис де Леонъ, благодаря, во-первыхъ, своимъ великодушнымъ и возвышеннымъ одамъ и переводу на испанскій языкъ „Пьесы Пьесей“, — произведенийъ, сколько ^{то} отражавшихъ въ себѣ вліяніе древнихъ, сколько и итальянскихъ и сафелей, и, во-вторыхъ, своею необыкновенно-характерною, суровой судьбой. Большинство его сочиненій, какъ на касильскомъ, такъ и на ларинскомъ языкахъ, было нами, само или или до или во время заключеній; тѣ же изъ нихъ, которыхъ онъ задумалъ впоследствии, какъ-то: Vida de Santa Teresa и другія, не были никогда окончены.

Луисъ де Леонъ, повидимому, не вполне сознавалъ, но относился къ своему поэтическому таланту, или по крайней мѣрѣ придавалъ ему мало значенія. Онъ не думалъ ни малѣйшей поправки развиться его и да еще не бралъ на себя труда издавать хотя однимъ изъ своихъ поэтическихъ произведеній. Можно бытъ это происходило отъ того, что онъ дорожилъ больше, чѣмъ свобода, но, мнѣ кажется нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, сглазавшихъ завязіе поэзіи неприличными въ его положеніи, ибо въ предисловіи къ своимъ „Духовнымъ пьесамъ“ (Salmas) онъ говоритъ, какъ бы въ извиненіе себѣ: „Не слѣдуетъ сглазавъ переломленіе въ срамъ священныхъ стиховъ неумѣстными нововведеніями. На“

прозубы, сужихи здѣсь вполнѣ утѣснены и прихваченіе ихъ въ данный случай практиковалось съ начала церк. ви вполнѣ до нашихъ дней и не мало людей, извѣстныхъ своею ученостію, употребляли для этой цѣли свой поэтическій талантъ. Дай Богъ, чтобы намъ и не приходилось слышать другихъ сужиховъ, кромѣ этихъ; чтобы свѣдѣнія сужихозвореній были единственными сужихозвореніями, дающими отраду души нашей, чтобы на улицахъ и площадяхъ не раздавалось иныхъ пѣсень, кромѣ религиозныхъ; чтобы ребенокъ учился говорить, заучивая ихъ наизусть; чтобы дѣвица въ минуты духовнаго созерцанія находила въ нихъ отраду, а дружелюбныя облегченія послѣ дневныхъ трудовъ своихъ! Забвеніе христіанскихъ добродѣтелей дошло до такого безраздѣла и легкомыслія, что мы перелаживаемъ въ сужихи наши пороки и, не добовсвудясь займой подлажкой ихъ, ликующими занами во всеуслышаніе воспѣваемъ нашу сраду.

Монаха

Но, каковы бы ни были содѣланные взгляды, проф. фресора Луиса де Леона на занятіе сужихозвореніемъ для человека его профессіи, додворно дѣто, что болѣе или, сраво его сужихозвореній, дошедшихъ до насъ, было нами, само намъ въ тоносри, а собраны они уже были въ последние годы его жизни и до по просьбѣ близкаго друга, ознюди не похвалываемаго издавалъ ихъ. Въ

погему стихотворения Луиса де Леона появились в не-
гази только спустя сорок лет после его смерти, когда
Кеведо вынул их в связь с целым преобразованием
с их помощью испорченный вкус современной ему
эпохи. С тех пор они выдержали пять изданий.

Луис де Леон был поэтом и, как уже сказа-
но, поэтом медношпильным. Стихотворения его бесспорно
имеют большое литературное значение. Они состоят из
перевода вятих Эклов и двух Георгий Виргилий, зрид-
цаи одь Торацйя, сорока Псалмов и итальянских оури-
ков из греческих и арабских поэтов. Переводы эти,
повидимому, слышавшие Леону не больше как для украш-
ения и развлечения, исполнены легко, точно, художественно,
но и при этом на глупом кастильском языке. Несмотря
однако же на выработанную им необходимость лег-
кости и правильности стиха Леон писал сравнительно,
но весьма чуждого. Его оригинальные стихотворения
занимают не больше его суратив; но между ними
едва ли найдется одно неудачное стихотворение; а все они,
взятые вместе, составляют одно из первых мест
в ряду лучших образцов испанской лирики. Содержа-
ние их в основном частью религиозное, ясно указывающее
на основной источник его вдохновения. Де Леон, в
думе которого было много еврейского, перенял свой
стихотворительный из еврейских книг, всецело сохраняя

при этом национальный дух своего племени.

Лучшим образком лирического настроения, преобладающего во стихотворениях и даже во всей его поэтической продукции Леона, может служить его гимн «На Вознесение Христова» (A la Ascension). Основ. над текст этого гимна и оригинальна и естественна.

Тимь начинается так:

329. (1)
 Y dexas, pastor santo, Ты оставляешь, святой пасторъ,
 Tu grey en este valle hondo осемя твою стадо въ этой глубокой и земной
 Con soledad y llanto, Въ одиночестве и въ слезахъ,
 y tu rompiendo el puro А само, разрывая воздушное пространство,
 Ayre, te vas al immortal seguro! Уносишься въ безмерное широта.

Los antes bien nadados, Мы, бывшие прежде спомъ счастливыми,
 y los agora tristes y afligidos, Теперь опечалены и огорчены,
 A tus pechos criados, Воспитанные въ любви къ зедю, —
 De ti desposeidos, Личивимся зедю.
 A dō convertiran ya sus sentidos? ¹⁾ Куда мы обратимся? ²⁾

В подлиннике стихи эти написаны размером quin-
 tillas. В этом гимне выразены чувства и скорбь,
 отбавивших утешников при виде их Утешителя (Масиудя),
 исчезающего из их глаз въ разверзотомъ лотъ небес-
 ной лазури.

Поэма есть лучшим поэтическим произведением
 Луиса де Леона — оды, написанной стариннымъ кастиль-
 скимъ размером и озвученъ въ классически правильную

и строго законченную форму, неизменно до конца пошла
 в Испании и редко встречается и впоследствии.
 Многочисленны, менее заинтересованные же испанскими
 герцами его поэзии, а равно также обильны намеками
 на испанскую историю, предпочитаясь оды былые спокой,
 помя: „Уединенная жизнь“ (Vida retirada), или ода „Без
 смерти“ (Immortalidad), или еще лучше из них „Ле-
 ная ночь“ (Noche Serena). Все эти оды написаны однако
 по правилам, во всем же возвышенности духа, одними
 и зовут же национальными разносторонности и пошлостью на
 себя одними и зовут же национальный характер.

Лучшими из поэтических произведений Леона не,
 нежели слагать ода, заключают в себя все что
 именуется дощитом и озаглавленную „Пророчество
 Тахо“ (Profecía del Tago), ода, в которой бог реки пред-
 сказывает королю Родриго завоевание страны его мавра,
 ли в наказание за изнасилование зрелищ государель
 девицы Кави, дочери одного из его вельмож. Ода эта
 представляет собою очевидное подражание той ода Го-
 рация, в которой Нерей подвлекается из волн и пред-
 сказывает падение Прои Парису, уводящему похищен-
 ную супругу Менелая в Трою, которой судено сдаться,
 лаской зрелищ жестокой борьбы между двумя народами,
 ли. (Но всего важнее ода „A la vida religiosa“) Ода
 Леона написана старинными испанскими quintillas,

любимыми размерами поэза и своею естественностью, своеностью и прелестью напоминають старинные на, родные романсы. Но всего важнее ода „A la vida de, religiosa“.)

Наши курьезы, чтобы Луис де Леон описалъ своего репузацию оъ наброшенной на нее зъти, и вельд. ервие Эгого въ 1580 г., по просьбѣ своихъ друзей, оъ из, далъ на латинскомъ языкѣ прозрачную коммезарию на „Пъсти Пъстей“ (Santicum Santicorum), съ золькова, нелью каждой ед гаси зрелья разными способами при, телью, символическимъ и мисрическимъ. Оъ придалъ велью сочиненю характера на золько богословскій и зельный, что оправдалъ оиданя самыхъ орзодокса, нелью цювь. При Эголь Леонъ не озерудилъ омако оъ своего первоначального мтьнйя, что вичьмьнйя форма „Пъсти Пъстей“ напоминаетъ собою Эклогу.

Другое сочиненіе на золь же созмеръ, написанное по испански и во многихъ озоменійяхъ сходное съ золью, ко, зорое было причиной привлеченія Леона къ суду, най, дено было въ его бумагахъ послѣ его смерзи. Намеча, заль его наши возмозимелью золько въ 1798 г. Нода, те и зольда переложеніе „Пъсти Пъстей“ испанскимъ окривали, въ видѣ Эклоги, предначавшеея первоначаль, но сопровозидаетъ Эго сочиненіе, не было издано и поъ, вилось въ свезъ золько въ 1806 г. Эго — прекрасной пере,

1) Стихотворенія Луиса де Леона напоминають собою послѣдній золь полный собранія его сочиненій. Мадридъ, 1621.

водъ, изобилующій въ авторъ не только поздневскій даръ, но и стильюетъ въ богословскихъ изысканіяхъ, весьма рѣдкую въ сѣранъ, гдѣ подобная стильюетъ въ то время не была зернима. Оуриковъ зацѣиъ этого перевода, или нѣкоторыхъ газей его поименовъ 1573 годоу, ^{гдѣ} г.г. годоу, когда Леонъ находилъ въ землицѣ; оуриковъ згоуъ ботъ найдена долго сѣиъ въ Симанскомъ архивѣ въ куть другихъ государевенныхъ суманъ.

Во время пребыванія своего въ горахъ Луис де Леонъ зрудилъ надъ длиннымъ прозаическомъ францазомъ, котороу оуъ далъ заглавіе „Имена Христовы“ (Nombres de Saint). Францазъ згоуъ написанъ въ формѣ діалога, по образцу „Пискулатскихъ Блестѣвъ Цицерона, котороу авторъ видимо подражалъ. Цѣль автора нудетъ послѣдо, вачелнаго анализа характера Спасителя, выраженнаго въ именахъ Сына, Князя, Пасуха, Царя, возбужде въ гизахъ благодѣиъ гудеуа. Разсмазриваемая съ згой зогки зронія форма францаза не можетъ быть назва, ма вполне вачелнаго. Диалогъ вичево претіиъ пред, сраблдеъ въ сущности рядъ монологовъ; въ первой кни, гдѣ францаза, въ одномъ мѣстѣ, „вурюаеуа даме насрой, маъ проповѣдъ, дозюисеуовъ своимъ помануиъ превос, ходицаъ вѣтъ проповѣди на испанскомъ язикѣ. Взязоъ въ мѣлоуъ, все соимеиѣ можно разсмазриваеуа, како рядъ разсудеиіиъ о характерѣ Христа съ зогки зронія

наибольше благословивших членов современной авторы и с.
панской церкви. Многие миссы озвучаются красноречивы,
ели, нередко принимающими благословия колоритны,
своей собственны на языке чуждым сфаринской испанской миссы,
раздуря. Таково, напр., следующее миссо:

«Вели ^{бы} разумы ничего не говорили намъ, и не было
бы никакихъ иныхъ способовъ убедить въ прелесть
мира, го доказательно бросить взглядъ на раздуряющую,
ся надъ нами сводъ небесный, чуждыми мириадами
звездъ, создающихъ одно гармоническое цѣлое, что
убедить въ зрѣнье околпачено. Мбо что такое при
взглядѣ на него наполняетъ вселенны наше сердце, какъ
не миръ, какъ не мысль о зомъ, что оны представляеть
собой совершеннѣйшимъ образомъ мира? Вели миръ, соглас.
но справедливому опредѣленію св. Августина, есть спокой,
ный порядокъ, ели оны заключаетъ въ себя элементы
спокойствія и звердоеи, необходимыя для поддержанія
порядка, — го созерцаемый нами небесный сводъ есть его
второе изображение; мбо покрывающее его безчислен.
ное количество звездъ разделено на правильная группы,
причемъ каждая звезда неизменно сохраняетъ свое по.
ложение, не захватываетъ миссы своей сосѣдки и, двигаетъ
сама, не мыслаетъ исполнить свои обязанности и дру.
гиль. Вторые завѣзу создавшего ихъ Бога, оны образу.
ють связь, могущее священно и вѣчно гармонично миромъ.

и поэтому ее полновесные притомы можно утверждать, что
 она не только созвучна, если можно так выразиться, пре-
 красной и совершенной образ мира, но своими звездными
 языками ясно и поэтически говорит о благе, заключаю-
 щихся во мире и повсеместно или порозидаемых."

Это творчество — эссе о языке — служит иллюстрацией
 к наименованию Христа Князем мира и доказывает
 красоту гармоничной прелесть мира путем аналогии его
 с миром физическим. Эссе превосходный образец поэ-
 тического сравнения с еще более поэтической одой этого автора,
 озаглавленной "Ясная ночь" (Noche Serena), с которой
 оно имеет очевидное сходство. Подобно большинству
~~знаменитых писателей, Луис де Леонъ издал свои сочинения~~
~~и написал образы Трактада Эссе (Nombres de Cristo)~~
 представляющих собою оригинальный образчик испанской
 богословской учености, красноречия и мистической.
 К социальным, он остался недооцененным, но первые
 три книги его были изданы автором между 1583—1585 гг.

Красноречивый трактат "Nombres de Cristo" (Имена
 Христовы) не был однако самым популярным из
 прозаических сочинений Луиса де Леона. За него
 принадлежат его трактату "Совершенная Хозяйка" (Re-
 ceta Casada), трактату, написанному в виде коммента-
 рия к притаме Соломона для одной поводражной.
 Трактат Эссе был впервые напечатан в 1583 г. и был

музыки подробно осуждавливаются, какъ на Эголь сохи, менши Леона, такъ и на его двухтомныхъ голкованійхъ на книгу Това, предпосланныхъ его пофизическому пере, ложению самой книги. Стрѣдь Эголь, казахый ^{ишь} Леонова въ зорьхъ, для собсужвеннаго изъясненія, бѣшь оконченъ въ годъ смерти, но до 1779 года никто не рѣшался его на, печатать.

Оба эти произведенія принадлежать тому же смиренному второму, зюль же Эдуардизмовъ и по временамъ оумна, кождъ зюль же пламеннымъ красноречивымъ, какимъ блещуть нѣкоторой сфранцузы. *Nombres de Cousto*. Въ Эголь послѣднемъ зрудѣ, бѣвшемъ молодымъ впамя со, зрѣвшаго генія автора, снѣшь его доуриазеръ небывалой и вполне цѣлостной въ себѣ силы. Второе же одушіи характеръ его прозаическихъ произведеній, включая сюда и нѣско дидактическихъ — повсюду одичъ и зюль же, и приве, денной оуриазеръ представляеть собою прекрасный образ, чинъ зюль роскошнаго, образнаго снѣшь, къ доуриазеру козорого отъ похотливо снѣшилъ во всякъ соимени, дѣль. Кождъ зюль Леона, написанный съ красотою его за, щизы, и не оумнакоуея зюль издичнымъ красноречивымъ, козорого въ другихъ соименіихъ лезеръ у него похоткомъ, но зюль же не лезеръ отъ написаны самими правды, нѣшь касхитскимъ языкомъ и призоуея чрезвычайно зюль же и чинъ.

Впрочем для правильного понимания гения и духа Луиса де Леона следовало бы изучить ^{все его произведения,} не только его лирические стихотворения, но и большинство его прозаических сочинений. Как автор религиозных од и гимнов, прекрасных по мистике и суровой правдивости стиля, он возмездно был посвящен (по имени Тиктора) в иерофанты и Фриликаны, между тем как его прозаический произведение, написанный языком не менее оригинальным и правильным, стал его стилем, сразу поставил в ряд великих мастеров касуильской прозы. Подобно болонскому знаменитому писателю, Леон учредительно отдалывал свои сочинения.

Во всему сказанному о Луисе де Леоне наконец следовало бы прибавить, что он вел жизнь весьма удивительную, а его молчаливость и сдержанность вполне соответствовали суровости его нравов. Посылая экземпляры своих стихотворений своему другу Пьерро Карреро, государственному человеку при дворе Филиппа II и члену высшего инквизиционного совета, Луис де Леон говорил, что во всей Старой Касуили, где он поселился с юных лет, у него едва ли найдется до десяти человек, которые хорошему знакомству. Несмотря на такую замкнутую жизнь, он пользовался большим уважением и общими уважениями. Под конец жизни, его дарования и преферентивный стиль сражались, его безропотность

и гиская вѣра, окружили его личноею ореоломъ святости. Впоследствии дізго Тонзалесъ (1734—1794), скромный авгузинскій монахъ, подразналь ему закъ усердно, что въ его одахъ и переложеніяхъ псалмовъ намъ будро слышадя хоршеубетныя и мощныя звуки лиры его великаго учителя Леона.

Алонсо де Эрнандъ. Гимни.

Шеснадцатое столѣтіе должно бы было, повидимому, особенно благопріудревоваго развито эпической поэзіи въ Испаніи, представивъ для нея давно недобавалую воз-
можноею ступи въ непосредственную связь съ знами-
зельными событіями въ національно-политической
жизни и съ неодолимовероятными судьбами разныя въ,
далошнися дѣятели. И, дѣйствительно, въ это время не
было недосража въ поэзахъ, которые въ своихъ длинныхъ
эпическихъ поэмъ востовали и зумисскій походъ имъ,
ператора Карла V, паравнъ съ его острастными дѣяніями,
и полныя приключеній походы Кордеса и Писарро,
и побѣду, одержанную надъ турками при Лепанто
Донъ-Хуаномъ авгурийскимъ.

Въ Испаніи съ самаго начала и до нашихъ дней дѣ-
лался сильнѣйшій помыскъ въ этомъ родѣ поэзіи, но они
произвели мало звореній досеймакъ намъ и вни-
манія. Поэма о Сидѣ явлелася древнѣйшимъ и досей-
мѣйшимъ памфлетомъ повѣствовательной поэзіи въ

~~в~~ новой Европе. Предварившим ^{на полторах Нидерланды,} на целый век даже
 и на два века Госера, произведение это по справедливости,
 если признается древнейшим и наглядным поэтическим
 поощрением и национальным энтузиазмом испанцев.
 Подобная похвала долгие и впоследствии;
 мы можем упомянуть «Хронику Фернана Гонзалеса»
 (Cronica de Fernan Gonzalez), «Жизнь Александра В.» (Vida
 de Alejandro) и «Лабиринт» (El Laberinto) Хуана де Мены.
 Этим произведениям открылся последовательный
 ход испанской цивилизации в течение трех веков,
 но ни одно из них не может похвалиться той силой
 воздействия, какая видна в старой полу-эпической по-
 эме о Сиде.

Наконец, когда мы переходим к царствованию
 Карла V или вернее к непосредственным следстви-
 ям этого царствования, мы видим, что национальный
 гений вдохновляется поэтическими стремлениями,
 столь же сильными, как и стремление к военной
 славе, достигшее крайних предель, благодаря успеху
 как испанского оружия в тушских сражениях. Поэты
 той эпохи слагали свои долги, досюймовый одра,
 зовом возмужать подвиги испанцев в Старом и Новом
 Свете, которые действительно завоевали Испанию пер-
 венствующее место в средние европейские государства
 и вступили на вершину положения, каково создавало

всепривольной монархии.

Благодаря всему этому, мы в царствование Филиппа II встречаемъ необыкновенное количество эпическихъ поэмъ, — больше двадцати. Они проникли въ чужбынами, одушевлявшими тогда всю Европу, и посвящены слав. намъ подвигамъ испанцевъ въ древнія и новыя вѣра, лена. Авторы ихъ сарагонскія подразнаютъ величественной изальдонской эпопеей, бывшей тогда въ апогей своего блеска и исчерпавъ себя надеждою, что они достигли своей цѣли. Но въ рукописи ихъ поэмъ, за однимъ или двумя исклю. ченіями, больше дышатъ патристичностью, чѣмъ поэзіей. Лучшимъ изъ нихъ закъ сего деномъ поэмы франковъ, это ихъ съ одинаковою правотою можно отнести и къ области негорин, между которыми какъ офальный нами, сами знамениты, неуклюжностью слоговъ хроникъ.

Современники Карла V, Херонимо Селлере и Луисъ Сапаза, воспѣли подвиги императора, въ фронтъ Милі, ада, въ двухъ поэмкахъ „La Carolea“ и „Carlo famoso“ (Славный Карлъ). Мзакъ, первого изъ упомянутыхъ эпико-историческихъ поэмъ является какъ разъ „La Carolea“, изданная въ 1560 г. и посвященная славнымъ подвѣ, дакъ Карла V, въ гезѣ козорого она и названа Carolea. Авторъ ея, Херонимо Селлере, болъ купецъ — явлѣ, ніе редкое въ испанской литературе — и написана она изальдонскими ottava rima. Первая гезѣ соеюуу